

ИЗБРАННЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

ВИЛЬГЕЛЬМА КАРЛОВИЧА

КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

(Ausgewählte Gedichte von W. K. Küchelbecker.)

ШО-ДЕ-ФОНЪ:
Ф. П. БУТУРЛИНЪ.
1880.

95

*Мухомор
Ф. Кушнеръ*

ИЗБРАННЫЯ

№ 4

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВИЛЬГЕЛЬМА КАРЛОВИЧА

КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

Verlag von Neumann, Neudamm

(Ausgewählte Gedichte von W. K. Küchelhecker.)

ШО-ДЕ-ФОНЪ:

Ф. И. БУТУРЛИНЪ.

1880.

*LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO*

R4XIV A-31446

4 XIV A

31446

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

(Биографическій очеркъ.)

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ воспитывался въ Лицеѣ съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, княземъ Горчаковымъ, Корфомъ и другими, успѣлъ хорошо въ наукахъ и отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, безмѣрнымъ тщеславіемъ, необузданнымъ воображеніемъ, которое онъ называлъ поэзію, раздражительностью, которую можно было употреблять въ хорошую и дурную сторону. Онъ былъ худощавъ, долговязъ, неуклюжъ, говорилъ протяжно, съ нѣмецкимъ акцентомъ. По выходѣ изъ Лицея, былъ онъ учителемъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій, потомъ поѣхалъ секретаремъ при Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ, который-было полюбилъ

его, но вскорѣ припужденъ былъ съ нимъ разстаться. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ свелъ знакомство съ нѣкоторыми либеральными литераторами, и вздумалъ прочесть на французскомъ языкѣ лекцію въ Атенѣ о литературѣ и политическомъ состоянн Россіи, проникнутую идеями, которыя тогда (въ 1820 году) были въ модѣ. Часть публки осталась равнодушною; другая рукоплескала его выходкамъ. Въ концѣ рѣчи онъ сдѣлалъ какое-то размахистое движеніе рукою, стибъ свѣчу, стаканъ съ водою, хотѣлъ удержать — и самъ слетѣлъ съ кафедры. Одинъ сѣдой якобинецъ, слушавшій его внимательно, поддержалъ его словами: „Ménagez vous, jeune homme! Votre patrie a besoin de vous.“ Нарышкинъ, узнавъ объ этомъ, взбѣсился и отказалъ Кюхельбекеру отъ мѣста, и тотъ погибъ бы въ Парижѣ безъ помощи благороднаго Василія Ивановича Туманскаго (писателя съ замѣчательнымъ талантомъ, неизвѣстно почему оставившаго службу и свѣтъ); онъ же помогъ Кюхельбекеру возвратиться въ Россію. Здѣсь онъ жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ; издавалъ въ Москвѣ съ княземъ Одоевскимъ

журналъ „Мнемозину“; потомъ участвовалъ въ разныхъ изданіяхъ петербургскихъ.

Пушкинъ любилъ Кюхельбекера, но часто и жестоко надъ нимъ подшучивалъ. Однажды Жуковскій былъ званъ куда-то на вечеръ и не явился. Когда его спросили на другой день, отчего онъ не былъ, тотъ отвѣчалъ: „Мнѣ что-то нездоровилось ужъ наканунѣ; къ тому же пришло Кюхельбекеръ — и я остался дома.“ Пушкинъ написалъ:

За ужиномъ объѣлся я,
 Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
 Такъ было мнѣ, мой другъ,
 И *кюхельбекерно* и тошно.

Кюхельбекеръ взбѣсился и вызвалъ его на дуэль...

Кюхельбекеръ служилъ въ 1824 году и на Кавказѣ, гдѣ пріятелемъ его былъ Грибоѣдовъ, встрѣтившій его у меня... Въ Петербургѣ онъ занимался литературою, и въ послѣднее лѣто (1825 года) жилъ у меня, когда семейство мое было на дачѣ. Въ сентябрѣ онъ отъ меня выѣхалъ и поселился въ домѣ Булатова, что нынѣ Китнера (на углу Почтамской

улицы и Исакиевской площади). Въ обвинительномъ актѣ сказано, что онъ приступилъ къ Обществу вмѣстѣ со многими другими; потомъ, что его приняли послѣ получения извѣстія о смерти Александра, или даже наканунѣ происшествія. Въ воскресенье 29-го ноября онъ обѣдалъ у меня, былъ тихъ, скромнѣе, изъявлялъ сожалѣніе о смерти государя, и прибавлялъ, улыбаясь: „Добрый былъ человекъ Александръ Павловичъ; другой царь не такъ поступилъ бы со мной.“ 14-го декабря, когда я въ собраніи моего семейства (изъ постороннихъ были только: Булгаринъ, племянникъ его, генеральнаго штаба подпоручикъ Д. А. Искрицкій и маклеръ Толченевъ) читалъ манифестъ, раздался громкій звонъ колокольчика въ передней — и вошелъ Кюхельбекеръ, разстроенный, со взглядомъ театральнаго бандита, и не здороваясь ни съ кѣмъ, подошелъ и спросилъ у меня: „Qu'est ce que vous lisez là? Je crois que c'est le manifeste?“ — „Oui, c'est le manifeste. Ecoutez!“ отвѣчалъ я и продолжалъ чтение. Когда я остановился на одномъ какомъ-то пунктѣ, онъ спросилъ по русски: „А позвольте узнать, отъ

какого числа отреченіе Константина Павловича?“ — Я отвѣчалъ: „Я и не видавъ. Посмотримъ — отъ 26-го ноября.“ — „Отъ 26-го“, возразилъ онъ, „хорошо; прощайте!“ — Булгаринъ, съ которымъ онъ въ то время былъ на ножахъ, сказалъ ему, подавая руку: „Здравствуйте, Вильгельмъ Карловичъ!“ — Онъ отвѣчалъ: „Здравствуйте и прощайте!“ Съ сими словами онъ ринулся изъ комнаты. Матушка спросила у меня, что съ нимъ сдѣлалось? — „Ничего“, отвѣчалъ я, „вѣроятно пишетъ оду на восшествіе на престолъ.“ Это было часу въ двѣнадцатомъ утра. Вскорѣ потомъ актеръ Каратыгинъ и еще кто-то встрѣтили его идущаго въ изступленіи къ Исакиевской площади. „Слышали ли вы“, спросилъ одинъ изъ нихъ, „на Исакиевской площади бунтъ.“ — „Знаю“, отвѣчалъ онъ, „это наше дѣло.“

Поведеніе его на площади описано въ книгѣ барона Корфа, который однако, щадя школьнаго своего товарища, не называетъ его по имени. Онъ мѣтилъ пистолетомъ въ великаго князя Михаила Павловича... Достоинно замѣчанія, что люди смѣтливые и проворные не успѣли

бѣжать, а разсѣянный и пеловкій Кюхельбекеръ ушелъ изъ Петербурга, и ушелъ бы за границу, если бы самъ не испортилъ дѣла. Когда стало извѣстнымъ, что Кюхельбекеръ бѣжать, приняты были все средства, чтобы узнать гдѣ онъ и схватить его. Въ самый день 14-го декабря, часу въ первомъ ночи, когда все въ домѣ у меня улеглись спать, раздался громкій звонъ колокольчика у дверей. Я вскочилъ съ постели, накинулъ на себя халатъ и вышелъ въ гостиную. Двери открылись и вошелъ полицеймейстеръ Чихачевъ, сопровождаемый отрядомъ Санта-Хермандада, квартальными, жандармами, драгунами и т. п. Не извиняясь въ томъ, что потревожилъ меня, онъ сказалъ мнѣ: „Извольте отвѣчать на эти вопросы“ — и подавъ мнѣ бумагу, на которой было написано: „Гдѣ живетъ Кюхельбекеръ? гдѣ живетъ Каховскій?“ При этомъ имени написано было въ скобкахъ (у Вознесенскаго моста, въ гостиницѣ Неаполь, въ домѣ Мюссара). Было еще нѣсколько именъ, которыхъ не упомяну. Я отвѣчалъ: „Кюхельбекеръ живетъ, сколько я знаю, неподалеку отсюда въ

домѣ Булатова. У Каховскаго адресъ поставленъ, но вѣрно ли — мнѣ не извѣстно. О прочихъ не знаю.“ — „Точно ли такъ?“ спросилъ Чихачевъ. — „Точно!“ — „Знаете ли вы, кто написалъ это? самъ государь.“ — „Хорошо писать“, сказалъ я. Полицеймейстеръ откланялся.

Въ четвертокъ, 17-го декабря, пришелъ ко мнѣ братъ мой, стоявшій въ караулѣ въ Зимнемъ Дворѣ двое сутокъ. Мы пошли съ нимъ пройти по улицамъ, и около четырехъ часовъ подошли обратно къ моей квартирѣ (въ домѣ Бремме, на углу Новосакіевской улицы и Исакиевской площади). Я спросилъ, будетъ ли онъ у меня обѣдать. Братъ извинился тѣмъ, что не хочетъ въ нынѣшнее смутное время оставить свою роту. Вдругъ увидѣли мы жандарма, который услышался разобрать прозваніе домохозяйина на бляхѣ дома. „Кого тебѣ надобно?“ спросилъ я. — „Въ домѣ Бремме ищу коллежскаго совѣтника Г—а.“ — „На что тебѣ?“ — „Оберъ-полицеймейстеръ проситъ его прийти тотчасъ къ нему.“ — „Я этотъ Г—ъ“, отвѣчалъ я, „ступай и скажи, что я

сейчасъ буду.“ Съ тѣмъ вмѣстѣ сказалъ я брату: „Ты знаешь куда я иду. Если не ворочусь, оыщи меня и приходи ко мнѣ.“ Нанялъ извозчика, заѣхалъ къ Булгарину, жившему въ Офицерской, въ домѣ Струговщикова, нынѣ Сольскаго, и объявилъ куда ѣду. Когда я вошелъ въ гостиную оберъ-полицеймейстера А. С. Шульгина, онъ хватилъ полный стаканчикъ рому, вѣроятно съ утра уже не первый, и сказалъ мнѣ довольно учиво: „Я долженъ попросить у васъ объясненія по одному дѣлу, и прошу васъ сказать сущую правду, по долгу чести и присяги.“ — „И безъ этого предисловія, во всякомъ случаѣ скажу вамъ сущую правду. Что вамъ угодно знать?“ — „Знаете ли вы Кюхельбекера?“ — „Знаю, и очень коротко: онъ жилъ у меня все нынѣшнее дѣло.“ — „И вы его узнаете, когда вамъ его покажутъ?“ — „Непремѣнно.“ — „И такъ пожалуйте.“ Онъ ввелъ меня въ другую комнату. Тамъ поднялся съ софы высокій, худощавый молодой человекъ. — „Кюхельбекеръ ли это? — „Нѣтъ.“ — „А кто онъ?“ — „Не знаю.“ — Тогда молодой человекъ возопилъ жалкимъ голосомъ: „Какъ это,

Николай Ивановичъ, вы не хотите узнать меня? Сколько разъ видали меня у Александра Федоровича Восейкова. Я Протасовъ, племянникъ Александры Андреевны.“ — Я взглянулъ и вспомнилъ, что дѣйствительно его тамъ видалъ. „Довольно“, сказалъ Шульгинъ, „намъ нѣтъ нужды знать кто онъ; довольно того, что онъ не Кюхельбекеръ.“ — „Въ этомъ я могу васъ увѣрить“, сказалъ я, „да какъ вы попали на этого господина?“ — „Мы ищемъ Кюхельбекера, по сообщеннымъ намъ примѣтамъ. Вотъ полиція нашла этого долговизаго господина, какъ онъ кутилъ въ загородныхъ трактирахъ, и наложила на него руку. Извините, что я васъ обезпокоилъ.“ — „Очень радъ, что не больше“, отвѣчалъ я и попросилъ скорѣе отпустить невиннаго.

Полиція искала Кюхельбекера по его примѣтамъ, которыя описалъ Булгаринъ очень мѣтко. Но въ Петербургѣ Кюхельбекера не было. Онъ, не знаю какъ, пробрался до Варшавы и отсюда легко успѣлъ бы уйти за границу; если-бъ онъ говорилъ и имѣлъ дѣло только съ Поляками и жидами, то вѣроятно ускользнулъ бы отъ понсковъ; но судьба на-

вела его на русскихъ. Онъ вошелъ въ одну харчевню или пивную лавочку въ Прагѣ (предмѣстьѣ Варшавы) и, увидѣвъ пирующихъ тамъ солдатъ, сѣлъ съ ними, началъ бесѣдовать и подчивать ихъ пивомъ. Въ этой бесѣдѣ открылся онъ весь какъ былъ и какъ описанъ въ примѣтахъ. Одинъ изъ присутствующихъ, унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Григорьевъ, догадался, кто долженъ быть этотъ угоститель, и закричалъ: „Братцы, возьмите его: это Кюхельбекеръ!“ Его схватили, заковали и отправили въ Петербургъ... Кюхельбекеръ не былъ сосланъ въ Сибирь а сидѣлъ нѣсколько лѣтъ на гаушвахтахъ въ Финляндіи и въ западныхъ губерніяхъ. Между прочимъ содержался онъ въ Динабургской крѣпости, но ходилъ на свободѣ и занимался обученіемъ дѣтей коменданта...

Его приговорили на 20 лѣтъ каторжной работы. Переживъ нѣсколько времени въ Шлюссельбургской крѣпости, былъ онъ переведенъ въ Динабургскую, гдѣ проживалъ свободно до 1831 года. Въ 1831 переведенъ былъ въ Ревель, оттудъ авъ Сибирь; въ послѣдней крѣ-

пости прожилъ до пяти годовъ и съ концемъ 1835 года былъ высланъ этапами въ Баргузинъ въ Восточной Сибири. Въ 1839 году его заключили въ Акинскую крѣпость, но въ 1844 былъ отпущенъ въ Смоленскую Слободу Тобольской Губерніи, гдѣ остался до смерти въ половинѣ Іюля 1846 года. Кюхельбекеръ оставилъ сына и дочь, но не извѣстно ихъ мѣстопребываніе.

Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ, братъ Вильгельма, но мало на него похожій, твердый характеромъ, скромный, хороший морской офицеръ, правдивый и неуступчивый... Михаилъ Кюхельбекеръ увлеченъ былъ въ заговоръ, вѣроятно, дружбою съ Николаемъ Бестужевымъ и Торсономъ и безропотно подвергся постигнутому его жребію. Братья не видались во все продолженіе процесса. Когда ихъ вывели изъ каземата (13-го іюля 1826 года) на гласисъ Петропавловской крѣпости, для выслушанія приговора, восторженный Вильгельмъ, еще болѣе размягченный въ тюрьмѣ, кинулся къ Михаилу со слезами и съ восторженными словами о покояннѣ, раскаяннѣ, покорности судьбѣ и т. п. Михаилъ

отвѣчалъ твердо и спокойно: „Я зналъ, что дѣлалъ, зналъ, что произойдетъ изъ этого и безропотно подвергаюсь наказанію!“ Когда ссылаемымъ въ Сибирь предложено было, въ отсутствіе, исполнить долгъ христіанскій покаянемъ и причащеніемъ святыхъ тайнъ, Вильгельмъ, приобщившись съ глубокимъ чувствомъ и горькими слезами, просилъ пастора смягчить затвердѣлое сердце его брата. Михаилъ встрѣтилъ пастора учтиво, почтительно, но спокойно, и сказалъ: „Не чувствую теперь необходимости приобщаться. Вѣду въ Сибирь по рѣшенію правительства, какъ, бывало, отправлялся въ походъ. Не зная за собою ни какого грѣха, думаю, что могу ѣхать и такъ.“ Онъ отправился въ Сибирь, и безмолвно исполнялъ всё, что отъ него требовалось. По минованіи годовъ каторги, онъ перешелъ на поселеніе, и тамъ познакомился съ одною молодою дѣвицею (кажется, дочерью священника), женился на ней и былъ совершенно счастливъ. Что-жь? Черезъ нѣсколько лѣтъ узнали, что онъ когда-то крестилъ съ нею ребенка — и бракъ былъ расторгнутъ на основаніи богопро-

тивнаго закона о духовномъ родствѣ. Что было съ нимъ потомъ — не знаю. Думаю только: должно же непременно быть возмездіе на томъ свѣтѣ за бѣдствія, притерпѣваемые людьми въ пынѣшнемъ, отъ варварскихъ законовъ, вымышленныхъ невѣжествомъ, злобою и фанатизмомъ.

О КОНЧИНѢ М. К. КЮХЕЛЬ-БЕКЕРА.

(Письмо къ издателямъ „колокола“,
1-го ноября, 1859.)

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ *Баргузинѣ* (защитномъ городѣ Забайкальской Области Восточной Сибири) скончался *Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ*, одинъ изъ дѣятелей 14 Декабря, братъ поэта. До конца своей жизни онъ остался вѣренъ убѣжденіямъ, которыя повели его въ ссылку; не смотря на крайнюю бѣдность, съ которой боролся до могилы, онъ отличался самой неукоризненной честностью, прямымъ характеромъ, говорилъ правду рѣзко въ глаза.

До 14 декабря М. К. Кюхельбекеръ былъ морскимъ гвардейскимъ офицеромъ, ходилъ кругомъ свѣта и объ этомъ времени любилъ рассказывать — это было для него лучшимъ воспоминаніемъ въ жизни.

Михаилъ Карловичъ давно уже поселился въ Баргузинѣ, гдѣ онъ съ трудомъ, кое-какъ перебиваясь, прокармливалъ семью свою, живя въ убогомъ домѣ, который долгое время стоялъ безъ крыши, потому что не хватало у него средствъ ее сдѣлать. Но и въ этой глуши, не смотря на недостатки и лишения, онъ не оставался безъ дѣятельности. Вѣднѣй городишка не имѣлъ ни врача, ни аптеки; Михаилъ Карловичъ насколько могъ выучился медицинѣ и сталъ подавать пособіе больнымъ. Много лѣтъ продолжалось это полезное и въ высшей степени безкорыстное служеніе обществу; старика всѣ знали, всѣ любили и уважали въ городѣ и окрестностяхъ, многіе были обязаны ему за спасеніе жизни, за дружескій уходъ полный участія во время болѣзни. Лечилъ онъ на свои гроши, никогда ни отъ кого не принималъ платы за леченіе и лекарства,

никогда не отказывался придти на зовъ больного, а больные эти были бѣдняки, простолюдины. Такъ прошла жизнь этого достойнаго человека въ глухомъ уголку Сибири и недавно смерть застигла его, внезапно, за дѣломъ, у постели больного, которому онъ пришелъ помочь быть можетъ за послѣднюю свою гривну.

Много горя испыталъ Михаилъ Карловичъ на своемъ вѣку, кромѣ бѣдности, но онъ никогда не говорилъ о немъ съ людьми даже самыми близкими. Женаты онъ былъ на баргузинкѣ и имѣлъ 6 дочерей. Трудно было ему жить, честность его отвергала всякое пособіе (такъ онъ никогда не хотѣлъ пользоваться пенсіей 114 р. с., назначенной правительствомъ ежегодно всѣмъ политическимъ изгнанникамъ), съ большимъ трудомъ можно было уговорить его взять денегъ взаймы, это случалось очень рѣдко и только въ крайнихъ случаяхъ онъ соглашался на просьбу. Но главное горе его было еще невыносимѣе. *Много лѣтъ спустя послѣ его женитьбы, поплъ донесъ* архіерею, что онъ женатъ на своей кумѣ — пошло дѣло, Синодъ приказалъ разторгнуть бракъ, признавъ только двухъ

дочерей законными, а остальные четыре остались безъ имени, а потому и безъ средствъ получить воспитаніе. Нѣсколь-ко разъ просилъ отецъ о признаніи дочерей законными, мудрое правительство постоянно ему въ этомъ отказывало, забывая при этомъ, что Кюхельбекеръ былъ протестантъ, могъ не знать законовъ русской церкви, что виноваты были не столько допустившіи его въ воспитанники ребенка чуждой ему вѣры и затѣмъ обвинившіи на кумѣ.

Теперь уже поздно каяться въ этой духовно-административной безправственной мѣрѣ, страдалецъ сошелъ уже съ пути, не увидавъ родины, куда, не смотря на амнистію, ему не на что было вернуться — по помочь бѣднымъ дѣтямъ не поздно, отдать имъ невиннымъ имя отца справедливо, подумать о ихъ воспитаніи — обязанность совѣсти тѣхъ, кто лишилъ ихъ всего съ колыбели.

А Р Г У Н Ъ.

Еще одну я къ тѣмъ рѣкамъ причи-
[слилъ,
Которыхъ берегъ я, скиталець, посѣ-
[тилъ —
И тамъ, съ утратою своихъ сердечныхъ
[силъ,
Терзался и молчалъ, но чувствовалъ, но
[мыслилъ,
Разлуку вѣчную предвидѣлъ — по лю-
[билъ.
Да, вотъ и эти дни какъ призракъ про-
[летѣли!

До гроба ли ты будешь молодымъ,
Мучитель-сердце? Ты скажи: ужели
Всегда блуждать, стремясь къ недости-
[жимой цѣли,
Твоимъ желаніямъ насытымъ и слѣ-
[пымъ?

Любить и мыслить... Почему-жь не
[может
Не мыслить, не любить душа моя?
Какой ее злой духъ безъ устали трево-
[жить
И хочеть, и велить, чтобъ вѣчно тра-
[тилъ я?
Увы! съ послѣднимъ другомъ расста-
[ванье!

По-крайней-мѣрѣ безъ пятна!
Хоть это сохранитъ воспоминашь
И думъ и чувствъ моихъ скуная глубина,
Шуми же, о Аргунь, мое благословенье!
Ты лучше для меня, чѣмъ пасмурный
[Онопъ:

И тамъ мнѣ было разлученье;
Но передъ тѣмъ меня прельщаль безум-
[ный сонъ,
И чуть не умертвило пробужденье.

БЕЗСМЕРТІЕ.

Видалъ ли ты, какъ вѣтеръ предъ собою
По небу гонитъ стадо легкихъ тучъ?
Одна несется быстро за другою,
На мигъ прерветъ злаго солнца лучъ —

Покроетъ поле мимолетной тѣнью,
За тѣнью тѣнь найдетъ на горы вдругъ,
Вдругъ нѣтъ ея, все вновь свѣтло вокругъ,
И солнце вновь, послушное велѣнью
Создателя, надъ облачной грядою
Паритъ, на землю жаръ свой благодатный
Льетъ съ высоты лазури необятной
И, блеща, продолжаетъ подвигъ свой.
За племенемъ такъ точно мчится племя
И жизнь за жизнью и за вѣкомъ вѣкъ:
Не тѣнь ли даже гордый человѣкъ?
Людей съ лица земли стираетъ время,
Вотъ, какъ ладошь бы стерла со стекла
Паръ отъ дыханья; годы ихъ дѣла
Уносить, какъ струя тотъ слѣдъ уносить,
Который рябитъ воду, если броситъ
Дитя, рѣзваясь, съ размаху всей руки
Скользкій, гладкій камень въ токъ рѣки.

Взгляни: стоитъ хозяйка молодая —
И вотъ, любимцевъ съ кровель созывая,
Имъ сыплетъ щедрой горстью кормъ она;
На зовъ ея, на дождь златой пшена
Подъежутся, другъ друга упреждая,
Слѣшать — и въ мигъ къ владычицѣ
[своей
Зеленыхъ, бѣлыхъ, сизыхъ голубей
Слетается воркующая стая...

Подобно имъ, мечты слетаютъ въ умъ,
 Подобно имъ, толпятся въ немъ картины,
 Когда склоню пугливый слухъ на шумъ
 Огромныхъ крыльевъ ангела кончины.

Въ душѣ моей всплываетъ образъ тѣхъ,
 Которыхъ я любилъ, къ которымъ нынѣ
 Уже не дойдетъ ни скорбь моя, ни смѣхъ:
 Они сокрылись — а одинъ въ пустынѣ.
 И вдругъ мою печаль смѣняетъ страхъ:
 Вступая въ мозгъ костей студеной
 [трепетъ;

Дрожащихъ устъ невинный, слабый
 [лепетъ

Едва промолвить можетъ: „Тотъ же
 [прахъ,

Такой же гость, ничтожный и мгновенный
 [ный

За трапезой земнаго бытія,
 Такой же червь, какъ всѣ окрестъ, и я.
 Часы несутся; вскорѣ во вселенной
 Необрѣтутъ и слѣда моего;
 И я исчезну въ лошѣ ничего,
 Изъ коего, для бѣды и на истлѣнье,
 Я вызванъ рокомъ на одно мгновенье.“
 Увы! единой вѣрѣ власть дана
 Въ виду глухаго, гробоваго сна
 Спокоить, укрѣпить, утѣшить душу:

Блаженъ, чей вождь въ селенье звѣздъ
 [она!

„Нѣтъ! своего подобья неразрушу“ —
 Такъ страху нашихъ трепетныхъ сердецъ
 Ея устами говоритъ Творецъ:

„Потухнуть солища; сонмы рати звѣздъ-
 [ной, съ
 Какъ листья съ древа, такъ падутъ съ
 [небесъ

И бѣгъ прервется мировыхъ колесъ;
 Земля поглотится, какъ капля, бездной,
 И будто риза, обветшаетъ твердь.
 Но мысль мой образъ: или ей, нетлѣнной,
 Млѣть и дрожать? — Ей что такое смерть?
 Надъ щепломъ догорающей вселенной,
 Надъ прахомъ всѣхъ распавшихся міровъ
 Она полетъ направить дерзновенный
 Въ мой домъ, въ страну родимыхъ ей
 [духовъ!“

Безсмертья свѣтлаго наслѣдникъ, я ли
 Преподу сердцемъ прилепленъ къ землѣ:
 Къ ей обманамъ, призракамъ и мглѣ,
 Къ утѣхамъ лживымъ, къ суетной печали
 И къ той ничтожной суетной мечтѣ,
 Напитанной убійственной отравой,
 Которую въ безумной слѣпотѣ
 Мы называемъ счастьемъ и славой?

Смѣжу ли очи я, когда прозрѣлъ?
Надеждъ моихъ желаній всёхъ предѣлъ,
Уже-ль и нынѣ только то, что можетъ
Мнѣ дать юдолю страданья и суетъ?
Или души плѣненной не тревожитъ
Тоска по томъ, чего подь солнцемъ нѣтъ?

БЛАГОДАТЬ ГОСПОДНЯ.

(Изъ Геллерга.)

Хвала и слава будь тебѣ,
Владыко, Боже мой!
Ты пекся о моей судьбѣ,
Ты былъ всегда со мной.

Къ Тебѣ взывалъ ли въ страхѣ я —
Не тщетенъ былъ мой зовъ:
Благій! премудрый! длань Твоя
Мой щитъ и мой покровъ.

На одръ скорбей я палъ, стения:
„Спаси!“ я такъ молилъ...
Ты спасъ, Ты исцѣдилъ меня:
Хвала, источникъ силъ!

Врагомъ бывалъ ли оскорбленъ.
Восплачусь предъ Тобой:
Ты дашь терпѣнье — врагъ прощенъ.
И въ сердцѣ вновь покою.

Блуждаю ли въ своемъ пути,
Призраками прельщенъ,
Промолвлю: „Путь мой освѣти!“
Гляжу — и освѣщенъ.

Скорблю, ни гдѣ отрады нѣтъ:
„Ахъ! долго-ль?“ воню,
И утѣшенъ Твой отвѣтъ.
На жалобу мою.

Ты Богъ благій, Ты щедрый Богъ,
Отецъ того, кто сиръ;
Въ нуждѣ, въ соблазнахъ мнѣ помогъ;
Ты шлешь мнѣ мощь и миръ.

Хвала! и горе Твой посоль:
Сближаюсь имъ съ Тобой,
Въ немъ слышу Твой живой глаголъ;
Хвала, наставникъ мой!

Земля и твердь и поле волкъ
Твоей любви храмъ;
Твоихъ даровъ не мѣрь ли полнъ?
Хвала! Ты далъ ихъ намъ.

Хвала, хвала за кровь того,
Кто грѣшныхъ смертью спасъ!
Нашъ Богъ и сына своего
Не пожалѣлъ для насъ.

О, сколь Господь насъ возлюбилъ!
Издай же пѣсни, грудь!
Органомъ славы Богу снѣдь,
Народъ Господень, будь!

Онъ преклоняетъ слухъ на стонъ,
Речеть — и стопа пѣтъ!
Насъ по искусѣ краткомъ онъ
Восхиניתъ въ вѣчный свѣтъ.

Мой духъ, на милость уповай,
Которой пѣтъ конца;
Сколь благъ твой Богъ забывай
И чти законъ Отца.

БЛАЖЕНСТВО.

(Изъ Геллерга.)

По краткомъ срокѣ испытанья
Безсмертье ожидаетъ насъ:
Тогда поглотитъ всѣ стenanья
Исполненный восторга гласъ;

Мы здѣсь обречены трудамъ —
Тамъ наше воздаянье — тамъ!

Тамъ!... Ужь и здѣсь часы блаженства
Даются чистому душой;
Но на землѣ нѣтъ совершенства,
Не проченъ и сердець покой:
Быть человѣкомъ — человекъ —
И человѣкомъ будетъ вѣкъ.

То мнръ съ своими суетами,
То врагъ, который въ насъ самихъ
И рѣдко побѣждаемъ нами,
То преткновенье отъ другихъ,
То немощь, то соблазнъ утѣхъ
Ввергаютъ насъ въ печаль и грѣхъ.

Здѣсь часто добродѣтель страдаетъ,
Порокъ во славу облеченъ;
Сгубить счастливица злота жаждеть,
А кто несчастливъ — тотъ забвень;
Здѣсь смертный не бываетъ чуждъ
Ни слѣзъ, ни слабостей, ни нуждъ.

Здѣсь лишь ищу, но тамъ найду я;
Я весь преобразуюсь тамъ:
Тамъ узрю Бога, торжествуя,
Предамся пѣснѣмъ и хваламъ!

Изъ вѣка въ вѣкъ и безъ конца,
Прославлю тамъ любви Отца!

Моей Его святую волю
Моимъ блаженствомъ буду звать,
И въ неограниченную долю,
Онъ дастъ мнѣ свѣтъ и благодать;
Съ ступени взыду на ступень,
Незаходимый встрѣчу день...

И мнѣ тотъ день откроется ясно
Все то, что тѣмну на землѣ;
Премудро, свѣтло и прекрасно
Тамъ явится, что здѣсь во мглѣ;
Съ благоговѣшемъ преклоняясь,
Судебъ постигну цѣль и связь.

Къ престолу Господа проникну —
Туда, гдѣ Онъ не покровенъ.
„Святъ, святъ Господь мой! святъ!“ во-
[скликну,

Его сияшемъ озаренъ...
И рать духовъ тогда со мной
Все небо огласитъ хвалою.

Средь ангеловъ — имъ равенъ буду
И буду чистъ, подобно имъ,

И грѣхъ, и скорбь земли забуду,
И приобщусь, благой, къ благимъ:
Возрадуюсь ихъ части я,
И будетъ часть ихъ — часть моя.

О, радость наче словъ и мѣры!
Тамъ и того увижу вновь,
Кто подалъ мнѣ свѣтильникъ вѣры,
Платилъ любовью за любовь —
И, прежде, чѣмъ съ земли исчезъ,
Мнѣ указать страну небесъ.

О, если-бъ, встрѣтившись со мною,
И мнѣ промолвилъ кто въ рай:
„Мой братъ, не я-ль спасенъ тобою?
„Ты жизнь, ты душу спасъ мою!“
Невыразимо тотъ блаженъ,
Кѣмъ погибавшій братъ спасенъ!

За мной мгновенной жизни горе:
Какъ дымъ, исчезнетъ въ оный день,
Какъ капля въ безпредѣльномъ морѣ,
Какъ отъ лучей почная тѣнь,
Какъ сотворенный сномъ призракъ,
Когда предъ солнцемъ таетъ мракъ.

Б Р А Т У.

Повсюду вижу Бога моего!
Онъ чадъ своихъ отецъ — и не покинетъ,
Нѣтъ не отвергнетъ никогда того,
Въ комъ вѣра въ Милосерднаго не сты-
[петъ.]

Господь, мой Богъ — на сушѣ, на водахъ,
И въ шумномъ множествѣ, въ мірскомъ
[волненіи,
И въ хижинѣ, и въ пыльных теремѣхъ,
И въ пристани души — въ уединеніи...

Нѣтъ мѣста косого лучемъ своимъ
Не озарялъ бы Онъ, повсюду-сущій;
Нѣтъ мрака, нѣтъ затѣмнѣнья передъ
[Нимъ]:
Всѣмъ близокъ Благостный и Всемогушій!

Онъ близокъ: я уже Его узналъ
И здѣсь, въ глухихъ стѣнахъ моей те-
[мницы];
И здѣсь, среди сѣдыхъ, угрюмыхъ скалъ,
Меня покрыла снѣгъ Его десницы.

Онъ близокъ! — близокъ и тебѣ, мой
[другъ!
Къ Нему лети на крыльяхъ упованья...
Его услышишь въ самомъ стоиѣ вьюгъ.
И узришь въ льдинахъ твоего изгнанья!
1831.

Б Р А Т У.

Мишуги же и годы заточенья,
А думалъ я: конца не будетъ нѣтъ!
Податели молитвъ и вдохновенья,
Они парили надъ челомъ моимъ
И были ихъ отзывы пѣснопенья —
И что-жь? обуреваемъ и томимъ
Мятежной грустію, слѣпецъ безумный,
Я рвался въ міръ и суетный и шумный.

Не для его я созданъ: только шагъ
Ступить успѣлъ я за священный прахъ.
Прюта тихихъ думъ — и ужъ во власти
Глухихъ заботъ, и закиѣли страсти,
И духъ земли, непримиримый врагъ
Небеснаго, раздралъ меня на части:
Затрепетали свѣтлыя мечты
И скрылися предъ княземъ темноты.

Мнѣ тяжела, горька мнѣ ихъ утрата
(Душа же съ ними свыкла, жизнь срос-
[лась]);
Но пусть! — я и безъ нихъ любовью
[брата]
Счастливы бы были; съ нимъ вмѣстѣ,
[не страшась,
Вступилъ бы я въ борьбу — и сопостата
Мы побороли бы; нѣтъ, дружныхъ насъ
Не одолѣть бы! можетъ-быть, и лира
Вновь оживилась бы на лонѣ мира!

О! почему, неопытный борецъ,
Рукой неосторожной грудь родную
Я сжалъ и ранилъ? Пусть восторжествую,
Пусть и возьму столь лестный мнѣ вѣ-
[нецъ —
Ахъ! лучше бы я положилъ, пѣвецъ
Забытый всѣми, голову сѣдую
Въ безвѣстный темный гробъ, чѣмъ эту
[грудь
И безъ того больную оттолкнуть!

Гдѣ время тѣ, когда, уединенный,
Къ нему я въ даль объята простираю,
Когда и онъ, любовью ослѣпленный,
Меня къ себѣ подь кровь свой призы-
[вать?

Я наконецъ перешагнулъ Ураль,
Перелетѣть твой ледъ, Байкаль священ-
[ный —
И вотъ свою суровую судьбу
Я внесъ въ его смиренную избу!

Судьбу того, кто съ самой колыбели
Былъ бѣдъ звѣздой, вѣзмь своимъ друзь-
[ямъ —
За нихъ подъемля руки къ небесамъ,
Моляся, чтобы скорби пролетѣли
Надъ милыми, сердца ихъ я же самъ,
Бывало, растерзалъ! — Охлаждѣли,
Заснули многіе: ты не отягъ,
Ты мнѣ одинъ остался, другъ и братъ!

А между тѣмъ . . . покнемъ и забудемъ,
Забудемъ бури, будто злые сны!
Не станемъ вѣрить ни страстямъ, ни
[людямъ —
Оставь мнѣ, отпусти мы вины!
Отынь въ жизни неразлучны будемъ:
Вѣдь той же матерью мы рождены;
Сотремъ всѣ пятна съ памятной скри-
[жали;
Все пополамъ: и радость и печаль!

1837 г.

Б Р А Т У

(въ день его именинъ).

Короче день — и рѣже съ оксана
Снимается съдая ткань тумана;
Желтѣетъ мой любимецъ, гордый клѣнъ,
Который прихотливою судьбою

Быль съ рошай разлученъ родною
И здѣсь межъ камней возрощёнъ —
Такъ! осень царствуетъ — и скоро, скоро
[птицы
Подымутся съ полночныхъ, грозныхъ
[скаль:

На полдень путь имъ начерталъ
Всемощный перстъ невидимой десницы.
Увидитъ надъ собой ихъ вереницы
Съ высокой палубы пловецъ —
И скажетъ: „Краснымъ днямъ на сѣверѣ
[конецъ!“

Мертвѣетъ блѣдная природа;
На сумрачный полетъ дряхлѣющаго года
Глядитъ, задумавшись, пѣвецъ.
Но и безъ лѣтняго, блестящаго свѣтила
Мнѣ святъ и дорогъ праздникъ Михаила.
Давно не для меня и аромать цвѣтовъ,
И роскошь шивъ, и видъ присолнечныхъ
[холмовъ,

Не для меня дубравы темной шопоть,
И пѣсни соловья,
И водопада ревъ, и плескъ и шумъ и
[ропотъ

Прозрачнаго ручья.
Давно покинулъ я всѣ красоты вселенной:
Въ стѣнахъ угрюмыхъ заключенный,
Давно отъ твоихъ оторванъ я.
Остались мнѣ однѣ воспоминанья —
Но, другъ мой, въ день твоихъ ли
[именинъ
Я буду въ одиночествѣ — одинъ?
Сберется мой народъ — крылатая меч-
[танья,

И съ ними сяду я за ширь,
Забуду стражей и затворы,
Забуду цѣлый мѣръ —
И вдругъ перенесусь за стѣни, рѣки, горы,
Въ твой тихій домъ, къ тебѣ...
Тамъ, сѣрдца счастливымъ обманомъ
[упоенный,

Воскликну я: „Хвала судьбѣ!
„Мнѣ возвращенъ мой братъ, съ мною
[разлученный.“

И что-жь? пространство ли одно
По волѣ сокращать мечтаньямъ дано?
Ихъ вѣтренное племя
Не покорило ли и самый рокъ и время?

Не призракъ ли былыхъ, прекрас-
ныхъ дней

Онѣ подъемлютъ изъ могилы?
Отъ вѣянья ихъ чудотворной силы
Вдругъ предо-мною всплываетъ сонмъ
[тѣней:

Я вижу утра моего друзей,
Всѣхъ вижу ихъ, какъ ихъ видать,
[бывало!

Такъ — вотъ и тотъ, кого давно уже не
[стало,

И тотъ, который живъ, но дружбѣ из-
мѣнилъ;

Тѣ съ высоты честей, тѣ изъ степеней
[изгнанья,

Изъ шумныхъ городовъ, изъ тишины
[могилъ —

Всѣ, всѣ стеклися для свиданья!
Сдается — только сонъ всѣ наши испы-
танья:

Ихъ образъ тотъ же, тотъ же разговоръ,
И слышу тотъ же смѣхъ и тотъ же жар-

[кий споръ —
Но мигъ — и нѣтъ ихъ... Я на брегахъ
[Авиноры,

Надъ зеркаломъ рѣки моей родной —
Здѣсь за струей когда-то наши взоры

Вѣжали, жадные, въ туманъ далѣ сѣдой;

Мы здѣсь, мой братъ, рука съ рукою
Бродили, счастливые дѣти,
Глядѣли, какъ рыбаки закидываютъ сѣти,
Или какъ чѣлнъ скользя надъ свѣтлою
[глубиной.

Напомнить ли тебѣ робинсонады,
Романы пылкіе младенческой мечты,
Какіе слуху намъ внимающей наяды
Разсказывали здѣсь, когда-то я и ты?

Пойди ли въ садикъ посѣтить цвѣты,
Взглянуть на деревъ, посаженныхъ нами?

Увы! давно цвѣты тѣ отцвѣли,
Давно смѣшались съ перстию земли

И узнаны не будутъ деревьями —
Все минуло! Быть-можетъ, не найди

Намъ даже мѣста на кладбищѣ,
Гдѣ нашъ старикъ, сошедъ съ житей-

[скаго пути,
Обрѣлъ послѣднее жилище.

О, да покоится на лонѣ тишины!
Онѣ во-время сомкнулъ страдальческія

[вѣжды:

Еще тогда его сыны
Вливали въ грудь отца и радость, и на-

[дежды,
По полно! Чувствую, какъ голодъ мой
[дрожитъ,

Какъ слѣзы брызнуть изъ очей готовы.

Мой утѣшитель-гений прочь летитъ;
Уже не свѣтлы — мрачны и суровы
Тѣ гости, коихъ въ уголку своемъ
На праздникъ друга созвалъ твой пу-
[стынникъ —
Богъ съ ними! Пользы нѣтъ тужить
[вдвоёмъ:

Умолкну, милый именинникъ!
Очнулся я — и нѣтъ уже картинъ,
Какими тѣшило меня воображенъе;
Подъемлю взоры — я по прежнему одинъ;
Склоняю слухъ — кругомъ уединенье—
(Свеаборгская крѣпость,
29 сентября 1833 года.)

ВОПРОСЫ.

Уже-ль и неба лучшіе дары
Въ подлунномъ мірѣ только сновидѣнъе?
Уже-ль по тверди только до поры
Свершаютъ звѣзды дивное теченъе?
Должно ли вѣдать гнѣвъ враждебныхъ
Душа души, святое вдохновенъе, [лѣтъ,
Должно ли опадать въ одно мгновенъе,
Какъ въ осень сорванный со стебля цвѣтъ?

Увы мнѣ! съ часу на часъ рѣже, рѣже
Живительнымъ огнемъ согрѣтъ мой духъ!
И тотъ же міръ и впечатленъя тѣ же,
Но прежнихъ пѣсней не уловить слухъ,
Но я не тотъ! Ужъ нѣтъ живого чувства,
Которымъ средь свободныхъ смѣлыхъ
[думъ

Бывалъ отважный окрыляемъ умъ:
Я робкій рабъ холоднаго искусства —
Сѣдѣтъ волосъ въ осень скорбныхъ лѣтъ;
Ни жару, ни цвѣтовъ весеннихъ нѣтъ —

ВЪ КОНЦѢ НЕДѢЛИ.

Летятъ! возврата нѣтъ часамъ,
Назначеннымъ отъ Бога намъ:
За ночью день, за мракомъ свѣтъ —
И вотъ уже недѣли нѣтъ.

Хранитель благостный! слава
За всѣ любви Твоей дѣла,
Слава за тьму щедротъ Твоихъ! —
Когда и гдѣ не видимъ ихъ?

Свободны ли мы отъ вины,
Кѣмъ были мы укрѣплены?
Тобою побѣдили грѣхъ,
Ты далъ намъ силу и успѣхъ!

И кто предъ Богомъ чистъ и правъ?
Увы! грѣшимъ и не узнавъ! —
О милосердьѣ! о любви!
Халатай нашъ — Христова кровь!

Несемся по потоку дней,
Все ближе къ вѣчности Твоей;
Токой сочтенъ нашъ каждый часъ:
Последній Ты сокрылъ отъ насъ.

Тебя мы молимъ, Царь вѣковъ:
Да нестрашитъ насъ зовъ гробовъ!
И на судѣ насъ оправдай,
И смертью насъ веди въ свой рай!

Окончивъ скользкій путь земной,
Твоей отеческой рукой
Да будемъ, Боже, взяты мы
Въ Твой горній домъ изъ дола тьмы!

Тамъ сумрака, тамъ ночи нѣтъ,
Тамъ блещетъ неизмѣнный свѣтъ:
О солнце правды! намъ Твой лучъ
Да свѣтитъ средѣ житейскихъ тучъ!

НОВЫЙ ГОДЪ.

(Господи! приближише быль еси намъ въ
родъ и родъ! Пс. 89.)

Какъ въ непрерывномъ токѣ водъ
Струи несуться за струями,
Такъ убѣгаютъ дни за днями,
За годомъ улетаетъ годъ —

И вотъ еще одинъ протекъ!
Онъ скрылся, какъ мечта почналъ,
Которую, съ одра вставая,
Позабывасть человекъ —

И, какъ въ пустой, глухой дали
Безъ слѣда умирають звуки,
Такъ радости его и муки
Всѣ будто небыли, прошли.

Прошли онѣ — пройдутъ и тѣ,
Которыя судьба Господня
Заутра намъ или сегодня
Въ святой готовитъ темнотѣ.

Не предъ завѣсой ли стою?
Я живъ и здоровъ: по что за пею?
Черезъ день, черезъ годъ, такъ я и тлѣю —
И вѣртъ развѣтъ персть мою.

Не въ немъ ли мы, какъ вешній цвѣтъ?
Мы жизнь пріемлемъ на мгновенье;
Насъ видитъ солнца восхожденье;
Луна восходитъ — и насъ пѣтъ!

Сыны грѣха и суеты!
Нашъ вѣкъ не нить ли паутины?
Безъ измѣненія Единный,
О Вѣчный! пребываешь ты.

Ты былъ и до сложенія горъ
И до созданія вселенной;
Ты былъ, когда зарей червленной
Не просіялъ еще обзоръ.

Какъ съ вѣтви листь, такъ съ оси міръ,
Сорветъ стихій мятежныхъ сила;
Поглотитъ жадная могила,
Какъ каплю, землю, твердь, эфиръ —

И будго пласть, ты свѣешь тогда
Шатерь безмѣрный, многозвѣздный;
Но самъ надъ безпредѣльной бездной
Пребудешь, чѣмъ ты былъ всегда.

Предъ Богомъ тысяча вѣковъ
Не болѣ срока часового,
Что среди сумрака нѣмага
Стоитъ на стражѣ у шатровъ.

И что же? каждый день и часъ
Непостижимый Вседержитель,
Защитникъ нашъ, покровъ, спаситель,
Блюдетъ и зрить и слышитъ насъ.

О дивный въ благости своей!
О милостью повсюду сущій!
Будь близокъ намъ и въ день грядущій!
Отецъ, храни своихъ дѣтей!

Все, молча, примемъ, чтобы намъ
Судьбы твои не даровали:
Твое-жъ посланье и печали;
Ты жизни силу далъ слезамъ.

Избавъ насъ только отъ грѣховъ,
Излей намъ въ перси духъ смиренья —
И громкимъ гласомъ пѣснопѣнья
Тебя прославимъ, Богъ боговъ!

---

19 ОКТЯБРЯ 1836 ГОДА.

Шумить потокъ временъ. Ихъ темный
[валь
Вновь выплеснулъ на берегъ жизни нашей
Священный день, который полною чашей
Въ кругу друзей и я торжествовалъ —

19 ОКТЯБРЯ 1837 ГОДА.

Блаженъ кто палъ, какъ юноша Ахиллъ,
Прекрасный, мощный, смѣлый, вели-
[чавый,

Въ срединѣ поприща побѣдъ и славы,
Исполненный несокрушительныхъ силъ!
Блаженъ! лицо его, всегда младое,
Сіяніемъ безсмертія горя,
Блещитъ какъ солнце, вѣчно золотое,
Какъ первая адемская заря.

А я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей
Стою въ ночи, беспомощный и хилый,
Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ
[могилой,

Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ
[друзей!

Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сра-
[женный,

Последній палъ родимый мнѣ поэтъ —
И вотъ опять липса день священный —
Но Пушкина уже межъ вами нѣтъ!

Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
Отъ нихъ не затрепещутъ груди вами,
Не вышетъ съ вами онъ задравной
[чаши —

Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ.

Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пи-
[руеть,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нихъ, по нихъ душа моя тоскуетъ;
Я жадно руки простираю къ нимъ.

Пора и мнѣ! Давно судьба грозитъ
Мнѣ казней нестерпимаго удара:
Она меня того лишастъ дара,
Съ которымъ духъ мой неразлучно слить!
Такъ! перенесъ я годы заточенья,
Изгнаніе, разлуку, сиротство;
Но подъ щитомъ святаго вдохновенья
И здѣсь во мнѣ пылало божество!

Теперь пора! Не пламень, не перуцъ
Меня убилъ; нѣтъ! вязиу средь болота:
Горою давять пужды и забота,
И я отвыкъ отъ позабытыхъ струнъ!
Мнѣ ангелъ пѣсеней рай въ темницѣ
[душной

Когда-то созидаль изъ сновъ златыхъ;
Но безъ него не трупъ ли я бездушный
Средь труповъ, столь же хладныхъ и
[нѣмыхъ?

ЖРЕБИЙ ПОЭТА.

Какъ пугникъ, вѣтрами посимый
По бурнымъ, плещущимъ волнамъ,
По бѣзднѣ водъ необозримой,
Стремить къ невидимымъ звѣздамъ,
Сквозь мракъ ревущей полуночи,
Спасенья жаждущія очи,
И, въ страхѣ, къ дальнымъ берегамъ
Въ слезахъ распростираетъ руки —
(Тамъ всё его исчезнуть муки,
Усталаго ждать пристань тамъ) —

Такъ я, средь сердца грозъ мятежныхъ,
Совсѣмъ измученный борьбой,
Добыча бѣдствій неизбѣжныхъ,
Звалъ тщетно сладостный покой!
Нигдѣ мнѣ небыло пощады:
Изъ края въ край, изъ вѣсей въ грады
Я былъ преслѣдованъ судьбой —
Нѣтъ, не могли святыя струны
Громъ оковать, связать перуны;
Ревѣли бури надо мной.

О! страшно былъ сосудомъ браннымъ,
Пророкомъ радостныхъ боговъ!
Снѣдаемый огнемъ священнымъ,
Внушителемъ златыхъ стиховъ,

Тотъ предашь въ жертву грозной власти,
Въ комъ пѣсней жаръ питають страсти:
Его и самая любовь
Порабощаетъ мрачнымъ силамъ;
Въ немъ шумно, яростно по жиламъ
Течетъ неистовая кровь.

Въ замѣну, предъ лицомъ Кронида
Всесилень вѣщихъ пѣсней гласъ:
Имъ въ темномъ адѣ Немезида,
Имъ въ свѣтломъ небѣ Локіасъ,
Имъ на землѣ вѣка внимають,
И на главѣ пѣвца считаютъ —
И сохраняютъ кладдыи власть.
Онъ входитъ въ горне предѣлы,
Веретъ изъ длани Зевса стрѣлы —
И нечестивыхъ страхъ погрясъ.

Гремятъ его хвалы и клятвы
До запада позднѣйшихъ дней:
Онъ сѣетъ ихъ для вѣрной жатвы.
Злодѣй, содрогнись и блѣдной,
Бѣги за волны Ахсропа!
Вотъ лукъ — даянье Аполлона.
Онъ губить изверговъ и змѣй —
Ужъ тетива рога стянула —
Исчезни же! угроба тула
Полна мучительныхъ смертей!

К Л Ё Н Ъ.

Скажи, кудрявый сынъ лѣсовъ священ-
ныхъ,

Исполненный могучей красоты,
Средь камней, соковъ жизненныхъ ли-
шенныхъ,

Какой судьбою выросъ ты?

Ты развился передъ моей тюрьмою.

Ты многое напоминаешь мнѣ...

Здѣсь не съ кѣмъ мнѣ... поговорю съ
О милой сердцу сторонѣ, [тобою

О времени, когда, подобно птицѣ,
Жилецъ вольной средь твоихъ вѣтвей,
Я пѣснь свободную пѣвалъ денницѣ
И блеску западныхъ лучей.

Тогда съ береговъ смиренной Авиноры,
Въ лѣсахъ моей Эстоніи родной,
Впервые жадно въ даль простеръ я взоры,
Мятежной мучимый тоской.

Твои всходящія до неба братя
Видали, какъ задернутую тьмой
Страпу я звалъ, манилъ въ свои объятія —
И покачали головой.

А нынѣ ты свидѣтель исполненія
Того, что прорицали братья мнѣ,
О, ты, послѣдній въ мракѣ заточенія,
Мой другъ въ далёкой сторонѣ!

К Ъ * * *.

Такъ счастливъ ты, мой юный, милый
[другъ:
Къ злагому, безмятежному покою,
Въ пріютъ отъ жизненныхъ и бурь и
[вьюгъ

Тебя ведетъ судьба благой рукою.
Постигнулъ рано ты всю суету,
Всѣ призраки и всѣ обманы свѣта,
И жалкихъ честолюбцевъ слѣбигу
Ты рано оцѣнилъ въ младыя лѣта...
Отнынѣ средь наслѣдственныхъ полей
Ты станешь жить для кровныхъ и друзей,
И призовешь въ свое уединенье
Высокій трудъ, отрадное ученье —
И вокругъ тебя предстятъ мечты
Разсѣютъ свѣтлые свои цвѣты...

Ты встрѣтишь ихъ въ тѣхъ рощахъ, мнѣ
[священныхъ,
Гдѣ нѣкогда съ цѣвницей я бродилъ,
Гдѣ нѣкогда съ таинственныхъ свѣтилъ,

Моихъ предтечь, поэтовъ вдохновенныхъ,
Кто мнѣ могущій гимнъ сходилъ!
О мнѣ спроси сѣдаго земледѣльца
(Меня любили дѣти простоты) —
И отъ него мой холмъ узнаешь ты,
Любимый холмъ злосчастнаго пришельца.
Тамъ тишина и запахъ розъ окрестъ,
И сѣнь пѣмага, дремлющаго бора,
И мирный гробъ, и надъ часовой крестъ —
Тамъ братъ мой спитъ — И отдалъ, близъ
[забора,

Опредѣлилъ я мѣсто и себѣ —
Когда увидишь край родной, счастливый
И дорогіе мнѣ луга и нивы,
Когда предстанетъ оный холмъ тебѣ,
Тогда ты вспомнишь о моей судьбѣ!

КЪ ВИKTOPY ГЮГО.

(Прочитавъ извѣстіе, что у него потонула
дочь.)

Не суждено мнѣ было въ мірѣ
Съ тобою встрѣтиться, поэтъ,
И ужъ на западъ моихъ унылыхъ лѣтъ
Я внялъ твоей волшебной лирѣ.

Я мигъ гостилъ въ землѣ твоей;
Я, сынъ иной судьбы, инаго поколѣнья;
Я не видалъ твоихъ очей,
Въ нихъ не привѣтствовалъ перуновъ
[вдохновеня —
Но дорогъ ты душѣ моей.

Успѣховъ и похвалъ питомецъ нѣгъ и
[блеска.

Ты къ бурѣ бѣшенаго плеска
Съ разсвѣта своего привыкъ.
И не одной толпы ничтожный, шумный
[крикъ

Превозносилъ тебя: младенческія руки
Исторгли первые изъ струнъ дрожащихъ
[звуки —

И встрепенулся вдругъ божественный
[старикъ;

Съ живою жаждою къ потоку ихъ при-
[никъ
Не льстець побѣды, не удачъ слу-
[житель,

Но онъ, поэзи и вѣры воскреситель,
Онъ, рыцарь и пѣвецъ, и честный чело-
[вѣкъ,

И жертвъ судьбы безстрашный защи-
[титель

Въ продажный и распутный вѣкъ.
„Гигантъ-дитя!“ онъ о тебѣ изрекъ

Когда завидѣлъ, какъ, покинувъ мракъ
[и доль,
Ты, полный юныхъ, свѣжихъ силъ,
Отважно къ солнцу воспарилъ —
Когда слышалъ тѣ чудесные глаголы,
Какіе изъ-за-тучъ ты, вдохновенный, длѣлъ!

Подъ властью я рожденъ враждебныхъ
[мнѣ свѣгилъ,
И рано крылья черной бури
Затмили блескъ моей лазури.
Я тяжкихъ десять лѣтъ въ темницѣ
[изнывалъ —

Умру въ глухихъ степяхъ изгнанья...
Однако же, какъ ты, такой же я кристалъ,
Въ которомъ радужно дробится свѣтъ
[созданья;

Одинъ изъ вѣщихъ гуловъ я
Рыданій плача міроваго;
Душа знакома и моя
Съ наигемъ духа неземнаго!
Глого! — не вѣчно и тебѣ
Смѣялось вѣтренное счастье.

Ты также заплатилъ свой долгъ судьбѣ.
Увы, мой братъ! и ты вкушалъ же сла-
[дострастье
Неизрѣченную утѣху горькихъ слѣзъ...

И вотъ же рокъ тебѣ нанесъ

Ударъ, убійственно-жестокій!
Воображаю я, какъ стонешь одинокій,
Какъ вопрошаешь ты иѣмую эту ночь:
„Итакъ моя любимица и дочь
„Ужели въ-самомъ-дѣлѣ зѣвъ пучи-
[ны? ...“

Не договаривай: плачь, труженикъ-иѣ-
[вецъ!

Тебѣ сочувствую: ахъ, вѣдь и я отецъ!
Ножъ и въ мой груди негаснущей кру-

Съ могилы сына моего. [чины:
Надъ дочерью твоей, Глого, рыдаю нынѣ —
Въ столицѣ міра ты! я въ ссылкѣ, я въ
[пустынѣ:

Но родственная скорбь не то же ли родство?

Л У Н А.

Тебя ли вижу изъ окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье божіей десницы?

Прими же скорбный мой привѣтъ,
Ночное, мирное свѣтило!
Отраденъ мнѣ твой тихій свѣтъ:
Ты мнѣ всю душу озарило.

Такъ, можетъ-быть, не только я,
Страдалецъ, узникъ въ мракѣ ночи —
Быть-можетъ, и мои друзья
Къ тебѣ теперь подъямутъ очи.

Быть-можетъ, вспомнить обо мнѣ —
Заснуть — съ молитвою, съ любовью
Мой призракъ въ ихъ счастливомъ снѣ
Слетитъ къ родному изголовью.

Благословитъ ихъ — — Но когда
На сводѣ неба запыластъ
Передразсвѣтная звѣзда,
Мой призракъ, будто паръ, растаесть.

ЛЮБОВЬ.

Податель счастья и мученья,
Тебя ли я встрѣчаю вновь?
И даже въ мракѣ заоченья
Ты обрѣда меня, любовь?

Увы! почто твои привѣты?
Къ чему улыбка мнѣ твоя?
Твоимъ свѣтиломъ ли согрѣтый
Воскресну вновь для жизни я?

Нѣтъ, минула пора мечтаній,
Пора надежды и любви:
Отъ мраза лютаго страдашій
Хладѣеть токъ моея крови.

Для узника ли взоровъ страстныхъ
Восторгъ и блескъ, и теблота?
Погаснетъ лучъ въ парахъ ненастныхъ —
Забудь страдальца, красота!

МОЕЙ МАТЕРИ.

Предѣлъ безмолвнй, темный уголокъ,
Нѣмая пристань, гдѣ наставникъ — рокъ,
Спасительный, но въ строгость обдечен-
[ный,

Назначилъ мнѣ пріютъ уединенный,
Святыней будь сегодня для меня!
Я нынѣ полонъ чистаго огня:
Объемлетъ горшій пламень грудь поэта;
Нѣтъ дыму въ немъ, ни духоты страстей.
Источникъ силы, теплоты и свѣта,
Онъ мнѣ перуномъ не слѣпитъ очей,
Не сжегъ мнѣ сердца пыломъ испушенья.
Изъ жилы въ жилу токн вдохновенья
Переливаются безъ волнъ и бурь —
Такъ нѣкогда по вертограду рай

Текли, дуга и роши наполя,
Являя тебѣ чистую лазурь,
Рѣка, родительница рѣкъ святая.
Къ кому-жь простру я въ благодатный
[часть
Парящій на крылахъ восторга гласъ?
Не вѣтреннымъ друзьямъ, питомцамъ
[мира,
Бряцасть подъ моею рукою лира:
Забывшій, не ищу вниманья ихъ.
Но ты да слышишь звуки струнъ моихъ,
О, лучшій другъ мой! о, моя родная!
Ты, коей имя на моихъ устахъ,
Ты, коей память, вѣчно мнѣ драгая,
Въ душѣ моей. Когда покинувь прахъ,
Я узнаю, я зрю на небесахъ
Не Бога оруженнаго громами,
Властителя надъ блѣдными рабами,
Но кроткаго и падшихъ чады Отца,
Но близкаго, того, кто благъ безъ мѣры!
Врачуешь сокрушенныя сердца
Елеемъ дивнымъ животворной вѣры.
Такъ! опъ пошлетъ отраду и тебѣ!
Утѣшься: видитъ Онъ, какъ о судьбѣ
Своихъ сыновъ рыдаешь и тоскуешь
И ихъ сынами скорби именуешь —
Родимая! мы подъ его рукой:
Не ясно-ль и твердою душой,

Не бодрою-ль и мощной даже въ горѣ,
Имъ братъ мой надѣлентъ? Пусть мракъ
[кругомъ,
Пусть катится въ ночи ревущій громъ;
Но свѣтлый день въ его спокойномъ
[взорѣ:
„Живъ Богъ мой!“ онъ вѣщаетъ и съ
[челомъ
Безрешетнымъ, безъ страха, безъ смя-
[тенья,
Смирненно все встрѣчаетъ искушенья.
Скажу ли? И меня благословилъ
Безцѣнными дарами Датель силъ:
Пусть ушваются любимцы счастья
Отравною земнаго сладострастья;
Пусть одѣваются въ ничтожный блескъ,
Пусть слышать купленный за брашню
[плескъ;
Они умрутъ и сгложетъ червь ихъ кости,
Имень ихъ непомануть даже гости,
Участники распутныхъ ихъ шировъ —
Я узникъ; но мой жребій не таковъ!
Меня взлелѣвалъ ангелъ пѣнопѣнья,
И свѣтлыя чудесныя видѣнья,
За росемъ рой, слетающъ въ мой пріютъ:
Я вижу ихъ — уста мои поютъ
И райскимъ исполняюсь наслажденьемъ.
И (да вѣщаю пни съ дерзновеньемъ!)

Не всё, такъ уповаю я, умрутъ
Крылатыя души моеи созданья:
Съ лица земнаго свѣтаетъ мой прахъ,
Но тотъ, на чьемъ челѣ печатъ избранья,
Тотъ и въ далекихъ будетъ жить вѣкахъ.
Не весь исцѣлю я: съ очей потомства
Спадетъ покровъ мгновенной слѣпоты
И стихнетъ гулъ вражды и вѣроломства;
Умолкнетъ злоба черной клеветы,
Забудутъ заблужденья человѣка;
Но вспомнятъ чистый гласъ пѣвца
И отзовутся на него сердца
И дѣвъ и юношей инаго вѣка.
Наступитъ оный вождеденный день —
И радостью встрепещетъ отъ привѣтовъ
Святыхъ, судьбой испытанныхъ позтовъ
Въ раю моя утѣшенная тѣнь.
Тогда я робко именовъ клеветовъ,
Великіе, назвать посмѣю васъ:
Тебя, о Дантъ, божественный изгнан-
[никъ! —
О узникъ, труженикъ безсмертный, Тассъ,
Тебя! — и съ нимъ тебя, бездомный
[стражникъ,
Страдалецъ, Лузитаніи Гомеръ!
Вы, образцы мои, вы мнѣ примѣръ,
Мнѣ бѣдъ путемъ ко славі предлетѣли:
Я бѣдъ путемъ стрѣблюся къ той же цѣли.

Не плачь же достоинъ жребій мой:
Я на землѣ, въ тюрьмѣ я только тѣломъ.
Но духъ въ полетѣ радостномъ и смѣломъ
Горѣ несется за предѣлы земной —
И въ валъ соборъ вступая свѣтозарный.
Нѣтъ! мнѣ нестрашенъ смѣхъ толпы
[коварной:
Я въ скорби, въ заточеньи, въ нищетѣ:
По лучшей ли удѣль вкушали тѣ,
Которыхъ имена въ столѣтьяхъ громки,
Избранниковъ побѣдоносный хоръ,
Пѣвцы, къ которымъ позднѣе потомки
Подъсмютъ блескомъ ослѣпленный
[взоръ?

МОЛИТВА.

Прибѣгну къ Господу съ мольбою,
Небеснаго взыщу Отца:
Недай мнѣ Воже пасть душою,
Но да крѣплюся до конца!

Ты знаешь непытаній мѣру,
Что мнѣ во благо, знаешь Ты:
Пролей живительную вѣру
Въ меня съ надзвѣздной высоты!

Душа моя не есть ли поле
Иссохшее въ тяжёлый зной?
О Боже! Боже мой! до колѣ
Отринуть буду я Тобой?

Не презри Твоего созданья;
Твое творенье я, Творецъ!
Нечистыя мои мечтанья,
Сорви, исторгни, какъ волчещъ!

Низвергни въ море преступленья,
Грѣхъ буйной юности моей!
Даруй мнѣ тихія моленья!
Очисти взоръ моихъ очей!

Да устремлю туда желанья,
Гдѣ ужаса и скорби нѣтъ,
Гдѣ блескомъ вѣчнаго сіянья
Господень вертоградъ одѣтъ!

МОЛИТВА УЗНИКА.

Руку прости надъ моею темницей,
Господи! сирую душу мою
Ты осяни милосердой десницей!
Господи, Боже, къ Тебѣ вопію!

Итъ! своего не погубишь созданья!
Скорбныхъ ли чадъ не услышитъ Отецъ?
Зри мои слёзы, сочти воздыханья,
Вѣры моей не отвергни, Творецъ!

Мнѣ не избавиться смертныхъ рукою:
Другъ мой и ближій мнѣ гибель изрекъ—
Такъ! я спасуся единымъ Тобой!
Господи! что предъ Тобой человѣкъ!

Боже мой! тяжки мои преступленья!
Мѣрила пѣть моимъ тяжкимъ дѣламъ—
О, да воскресну изъ узъ заточенья
Чистъ и угоденъ господнимъ очамъ!

Будь для меня исцѣляющей чашей,
Чашей спасенья, мой горестный плѣтъ!
Слёзы! — омоюсь купелю вашей:
Новъ я изыду изъ сумрачныхъ стѣвъ —

Новъ и для жизни, Ему посвященной —
Онъ мой спаситель, защитникъ и Богъ!
Съ неба внимаешь молитвѣ смиренной:
Милостивъ Онъ, Онъ стечески строгъ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

Погаснулъ день: склонился мiръ къ по-
Открыли небеса [кою;
Въ безчисленныхъ свѣтилахъ надо мною
Господни чудеса.

Съ обзора солнце свелъ и въ твердь поч-
Возводитъ Богъ луну, [пую
И шумъ прервалъ и суету земную
Повелѣвасть сиу.

Онъ предписахъ уснокоснью время
И срокъ дневнымъ трудамъ:
Сложу-жь и я съ раменъ усталыхъ бремя
И членамъ отдыхъ дамъ.

Но на оградномъ не проструся ложѣ,
Доколѣ предъ Тобой
Не взыйдетъ гласъ моихъ хвалений, Боже,
Господь и пѣстунъ мой!

Съ одра возставъ, воззвалъ я — и моленью
Ты внялъ, Владыко силъ!
И подъ Твоею благодатной сѣнью
Я день сей совершилъ.

Отецъ Твои щедроты кто исчислилъ?
Кто взвѣситъ ихъ возмогъ?
Тебѣ воздатъ никто да не помыслитъ,
Благій безъ мѣры Богъ?

Душѣ и тѣлу Ты готовишь яству,
Ты съ нами каждый часъ;
Какъ вѣрный пастырь охраняетъ паству,
Такъ охраняемъ насъ.

Ты дѣду нашихъ рукъ усилѣхъ даруешь,
Ты, преклонясь къ слезамъ,
И нашу недугъ и нашу скорбь врачуешь,
И племь ограду намъ.

Внемли-жь моимъ вздыханьямъ сердеч-
Мольбамъ моеи души: [шымъ,
Всѣхъ болѣе къ даянью безконеч-
Творецъ мой приложи! [шымъ

Омой купелию христовой крови
Меня отъ всѣхъ грѣховъ,
И на пути къ Тебѣ, отецъ любви,
Будь вождь мой и покровъ!

А всѣ свои заботы и печали
Возвергну на Тебя:
Мнѣ въ благо ихъ Твои же руки дали;
Что-жь мнѣ крушить себя?

Потокъ оградный вѣры и надежды
Ты въ перси миѣ пролей —
И я безъ трепета закрою вѣжды
До утреннихъ лучей.

Не только для меня — ты будь защитой
Всѣхъ драгоценныхъ миѣ:
Пусть Твой народъ, рукой Твоей при-
Почиетъ въ тишинѣ! [крытый,

Когда же блеску солнца ранній пѣтель
Провозгласитъ привѣтъ,
Да воспрянетъ духъ мой, радости и свѣ-
И бодрѣ, и въ мощь одѣтъ! [тель,

Ты будешь первой мыслию моею
И я, отвергнувъ страхъ,
Воздвигнусь — и съ Тобой, мой Богъ,
Во всѣхъ своихъ трудахъ. [успѣю

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

Отецъ хранитель, Боже мой!
Подъ сѣнью Твоего покрова
Я сладостный вкушалъ покой —
И вотъ открылъ я вѣжды снова!

Ты создалъ свѣтъ златаго дня,
Ты создалъ мракъ оградной почвы —
И день и почь блюдутъ меня
Твои недремлющія очи.

Благій! воздать могу ли я
Твоей любви неизреченной?
Не приметъ жертвы длань Твоя;
Ты требуешь души смиренной —

Души боящейся грѣховъ,
И чистой, и прямой, и вѣрной,
И любящей Твоихъ сыновъ
Любовию нелिцемерной.

О, милосердый мой отецъ!
Я отъ тебя ли что сокрою?
Ты проникаешь тьму сердецъ,
Ихъ дно раскрыто предъ Тобою.

Я надалъ, падаю сто кратъ —
Но въ милостяхъ неистощимый,
Ты зришь: я скорбю объять,
Терзаюсь я, грѣхомъ тягчимый.

Безъ помощи твоей что я?
Ты вѣдаешь мое безсилье;
Но гдѣ безсилна жизнь моя,
Тамъ мощно силъ твоихъ обилье.

О, Боже! духъ мой обнови
И сердце мнѣ создай иное;
Надежды, вѣры и любви
Да свѣтитъ солнце мнѣ святое!

Ты склонись къ молбѣ моей:
Христовой кровью омовенный,
И я въ числѣ твоихъ дѣтей,
Небесъ наследникъ обреченный.

Сей день, мнѣ посланный Тобой,
Да будетъ мнѣ къ Тебѣ ступенью!
Да будетъ на стезѣ земной
Мнѣ шагомъ къ горнему селеню!

МОРЕ СНА.

Мнѣ вѣдомо море, сѣдой океанъ:
Надъ нимъ безпредѣльный просторъ туч-
[манъ,
Надъ нимъ лучезарный не катится щитъ;
Но звѣздочка блѣдная тихо горитъ.

Пускай океана невѣдомъ конецъ —
Его не боится отважный пловецъ;
Въ него меня манитъ не занятый блескъ,
Таинственный шопотъ и сладостный
[плескъ.

Въ него погружаетесь одинъ, молчаливъ,
Когда настаетъ полупочный приливъ,
И чуть до груди прикоснется волна,
Въ больную вливается грудь тишина.

И вдругъ я на берегу — будто знакомъ!
Гляжу и вхожу въ очарованный домъ:
Изъ оконъ мнѣ милыя лица глядятъ
И рѣчи прѣвѣтныя слухъ веселятъ.

Не милыхъ ли сердцу я вижу друзей,
Когда-то товарищей жизни моей?
Всѣ, всѣ они здѣсь! удержать не могли
Ни рокъ ихъ, ни люди, ни пѣдра земли!

По прежнему льется живой разговоръ;
По прежнему свѣтится дружескій взоръ —
При вѣщемъ сіяніи райской звѣзды,
Забыта разлука, забыты бѣды.

Но, ахъ! предъ зарей наступаетъ от-
[ливъ —
И слышится мнѣ неотрадный призывъ —
Развѣялось все — и мерцаніе дня
Въ пустыни глухой освѣтило менид.

НА ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО.

Душа моя, ликуй и пой,
Наслѣдница небесъ:
Христосъ воскресъ, Спаситель твой
Воистину воскресъ!

Такъ! адъ предъ сильнымъ изнемогъ:
Изъ гробовыхъ веригъ,
Изъ ночи смерти сына Богъ
И съ нимъ тебя воздвигъ.

Изъ свѣта вѣчнаго Господь
Сополь въ жилище тьмы;
Облекся въ персть, одѣлся въ плоть,
Да не погибнемъ мы!

Неизреченная любовь
Всѣхъ таинствъ высота!
За насъ свою святую кровь
Онъ проливалъ съ креста.

Частѣйшей кровію своею
Насъ, падшихъ, искушилъ
Отъ мукъ и гроба, изъ сѣтей
И власти темныхъ силъ.

Христосъ воскресъ, Спаситель мой
Воистину воскресъ!
Ликуй, душа: Онъ предъ тобой
Раскрылъ врата небесъ —

НАДГРОБІЕ.

Сажень земли мое стянжане,
Мнѣ отвещенъ смиренный домъ:
Здѣсь спитъ надежда и желанье,
Окованъ страхъ жолѣзнымъ спомъ,
Заснули горестъ и веселье;
Безмолвно все въ подземной кельѣ.

И я когда-то зналъ печали,
И я былъ счастливъ и скорбѣль,
Любовью перси трепетали,
Уста смѣялись, взоръ свѣтлѣль;
Но взоръ и сердце охладѣли:
Растуть надъ мертвымъ тѣломъ ели.

И ужъ ни кто моей гробницы
Изъ милыхъ мнѣ не посѣтитъ;
Ихъ не разбудитъ блескъ денницы:
Ихъ прахъ въ сырой землѣ зарытъ —
А развѣ путникъ угруженный
Взоръ броситъ на мой гробъ забвенный.

Да развѣ сладостной весною,
Гонясь за пестрымъ мотылькомъ,
Дитя безсильною рукою
Столкнетъ мой каменный шеломя,
Покатитъ, взглянетъ и оставитъ
И въ даль безпечный бѣгъ направить.

НАДЕЖДА.

ПУСТЫННИКЪ И НЕСКОЛЬКО ГОРОЖАНЪ.

первый горожанинъ.

Отъ веселья мы устали,
Утомлились отъ трудовъ:
Время сбросили печали,
Грузъ заботъ, суетъ и сновъ —
Подъ крыломъ уединенья,
Въ мирной хижинѣ съ тобой
Не живеть ли вдохновенье,
Свѣтъ, и мудрость — и покой?
Пѣсней, пустынникъ! — Златые перуны
Солнце выводятъ обратно въ лазурь;
Пусть же, подобно, могучія струны
Въ насъ воскресятъ тишину послѣ бурь!

пустынникъ.

Пѣсней! — но какихъ? Мой голосъ
Въ дробныхъ персяхъ ослабѣтъ;
Стынетъ сердце; рѣдкій волосъ,
Будто снѣгъ нагорный, бѣтъ —
Миѣ ли пѣть шпы, забавы,
Игры, смѣхы, шумъ и блескъ?
Миѣ ли пѣть безумье славы,
Кровь и воли, стонъ и трескъ?

Пѣсни такія пѣвать я, по прежде;
Нынѣ другія, другія пою:
Тихія пѣсни небесной надеждъ —
Ей посвятить я и душу мою.

второй горожанинъ.

Ты трепещешь предъ могиллой —
Ты не можешь вновь ожить;
Не тебѣ, отшельникъ хилый
Радость и войну хвалить.
Но еще-ль не отлетѣли
Дни, гдѣ рабствовалъ мечтѣ?
Ты стоишь у самой цѣли:
Ты-ль по-нынѣ въ слѣпотѣ?
Скажешь ли: „Гягостою старцу сѣдому
Сбросить, расгоргнуть пестлѣвшую сѣть?
Ей ли, надеждѣ, призрѣнку пустому
Пѣсни на прагѣ ничтожества пѣть?“

пустынникъ.

Скоры вы и строги дѣти!
Приговоръ вашъ скоръ и строгъ;
Но избѣгнуть этой сѣти
Кто же земнородный могъ?
Всѣхъ владычица надежда:
Царь и нахарь — слуги ей,
Рабъ ей мудрый, рабъ невѣжда,
Рабъ и правый и злодѣй.

Какъ вожделенной, веселой дощницы
Свѣтъ изъ-за крова пенастнаго тучь,
Такъ даже къ узику въ бездну темницы
Льется надежды божественный лучь.

ТРЕТИЙ ГОРОЖАНИНЪ.

Пусть! — Но, старецъ, не мечта ли
Сей владыка, сей кумиръ?
Ахъ! ему не слѣпога ли
Покорила буйный миръ?
„Счастье тамъ въ туманной дали,
„Смѣхъ и наслажденье тамъ!“
Мы туда — и что-жь? — печали,
Скорбь и боль на встрѣчу намъ.
Цѣлаго міра царица надежда;
Но не равно ли игралица лжи
Пахарь, властитель, мудрецъ и невѣжда?
Миръ не безуменъ ли, старецъ, скажи? —

ПУСТЫННИКЪ.

Други, други! — святотатство
Поклоняться суетѣ!
Чья надежда на богатство —
Да предается нищетѣ:
Гордый ляжетъ онъ на ложѣ,
Упованьемъ обуявъ,
Но пробудится — и что же?
Въ прахъ низверженъ истуканъ!

Идолъ разбитъ справедливой судьбою,
Идолъ, которому бѣдный кадилъ;
Злато расфѣялось вмѣстѣ со тьмою,
Вмѣстѣ съ почными огнями свѣтилъ.

Столь же грѣшенъ шумъ безумный,
Столь же скоро долженъ пасть,
Кто надменностію шумной
Сталъ — и оперся на власть;
Кто, главою дерзновенной
Возвышаясь до небесъ,
Рѣкъ: „Возсяду надъ вселенной!“
Вѣтеръ дунулъ — онъ исчезъ. —
Тѣло его — не орловъ ли добычей,
Снѣдію врановъ и яствою псовъ?
Имя и память не стали ли притчей,
Смѣхомъ и баснею праздныхъ умовъ?

Горе, горе, нечестивый!
„Вогомъ будетъ мнѣ мой умъ!“
Такъ вѣщаль слѣпецъ кичливый,
Омраченный мглою думъ.
Провѣщаль — и въ тожь мгновенье,
Какъ зарница, умъ потухъ:
Тьма и ужасъ, и мученье —
И хохочетъ адскій духъ —
Небыль ли умъ твой свѣчею невѣрной,
Плачущей ночью надъ тпною блатъ?

Горе! — погрязнуть ты въ безднѣ без-
[мѣрной!
Горе! ты гибелью жадной объять!

Грѣтъ солнце — и кружится
Насѣкомыхъ легкій рой;
Сядетъ солнце — рой умчится:
Страшенъ холодъ имъ почной.
Не надѣйся братъ на брата,
Не надѣйся на друзей:
Ты лишился силъ и злата —
Братъ и другъ тебѣ злодѣй.
Если-жъ и душу найдешь между тьмами,
Душу единую — что человекъ?
Мы надъ отверстыми ходимъ гробами:
Вѣкъ человекъ, не трава ли вѣкъ?

четвертый горожанинъ.

Такъ, сѣдой пустыни житель!
Не надежны братъ и другъ:
Мигъ — и гдѣ же покровитель?
Мигъ — и гдѣ-жъ усердье слугъ?
Мигъ — и итъ богатствъ и силы,
И погнбли умъ и власть!
Только шагъ цамъ до могилы:
Что-жъ? — прельщаться наша часть?
Самъ ты, испытанный жизнью суровой,
Мудрый, постигшии обманъ суеты,

Дряхлый, спуститься въ могилу готовый,
Сердцемъ надеждѣ же служишь и ты!
пустыинникъ.

Ей и въ грозное мгновенье
Не престану я служить,
Какъ расторгнешь Провидѣнье
Дней моихъ земную нить.
Здѣшній мѣръ не горька ли праха?
Но я живъ и безъ конца!
Нѣтъ, не буду жертвой страха:
Смерть не входитъ въ домъ Отца.
Братья, на немъ основать я надежду!
Мнѣ не измѣнитъ надежда моя.
Съ радостью брениую сброшу одежду,
Ризу ничтожную: риза — не я.

Здѣсь, въ юдоли слѣзъ и почи,
Лучъ надежды мнѣ свѣтлѣль,
Мнѣ живилъ и духъ и очи,
Мнѣ являлъ иной предѣль —
Тотъ предѣль, гдѣ исполненье,
Гдѣ ситя завѣса тьмы,
Гдѣ загадокъ разрѣшенье,
Гдѣ, какъ Онь, безсмертны мы.
Горький вожатый, надежда святая!
Страшнику ты въ лучезарной дали
Путь указала къ предверью рая:
Что при тебѣ испытанья земли!

Оглянусь назадъ — и что же?
Будто сонъ, прошли онѣ —
Сонъ, слетающій на ложѣ
Въ полупочной тишинѣ.
Но вотъ вскрикнулъ громкій пѣтель —
Мракъ развѣянъ, сонъ исчезъ;
Чистъ и радостенъ и свѣтѣль
Необъятный сводъ небесъ!
Солнце всплыло изъ горящаго моря,
Гордо подъяло золотое чело:
Нѣтъ и слѣда пролетѣвшаго горя;
Въ благо вліялося мнимое зло.

ГОРОЖАНЕ.

Горе тѣмъ, чье упованье
Суета, и прахъ, и глѣнъ!
Не легко тому сраданье;
Но и въ скорби тотъ блаженъ,
Кто надѣется на Бога,
Кто, смиривъ души раздоръ,
Къ свѣту горняго чертога
Возвышаетъ свѣтлый взоръ!
Онъ и въ семь мѣрѣ, мятежномъ и тѣс-
[номъ,
Ангеловъ братъ и заранѣ жилищъ
Сѣни таинственной въ краѣ небеспомъ,
Гдѣ ему домъ уготовалъ Отецъ.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ.

Вотъ день, въ который для надежды,
Желаній, страха и скорбей,
Для чувствъ и думъ открылъ я вѣжды,
Для испытаній жизни сей;
Вотъ день, въ который я впервые
Отверзъ уста свои пѣмье —
Ахъ! свѣту плачь былъ мой привѣтъ!
Въ тотъ день когда узрѣлъ я свѣтъ!

И много, много мнѣ печали
Наставшіе часы и дни,
Страданья много даровали —
И темныя впереди они!
Но Богъ отецъ чадолубивый:
Мнѣ день и не одинъ счастливый
Былъ посланъ имъ: благословенъ
Да будетъ онъ, Господь временъ!

Пріялъ я отъ него благос,
И злаго я ли не приму?
Мое желаніе слѣпое
Что можетъ предписать ему?
Онъ знаетъ пору: ведра, грозы,
Веселье, горе, смѣхъ и слезы,
Его святой и дивный рокъ
Дастъ вселенной въ должный срокъ.

Сгоняют жаръ и мглу съ лазури
И возраждаютъ вновь зѣнрь
Всевышнимъ посланши бурн;
Отъ нихъ тонѣетъ дрихлый мнръ:
И какъ онѣ моря и сушу,
Такъ точно бури жизни душу
Подъемлютъ съ гибельнаго сна —
И обновляется она.

Мой путь не путь ли къ совершенству?
И такъ впередъ съ сего же дня,
Безъ страха къ вѣчному блаженству!
Впередъ: мой Богъ ведетъ меня!
Ведетъ изъ край искупленья
Въ священный край упокоенья —
Туда, въ страну своихъ духовъ,
Гдѣ буду чистъ и безъ грѣховъ.

НА СМЕРТЬ ЧЕРНОВА.

Клянемся честью и Черновымъ —
Вражда и брань временщикамъ,
Парей трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнѣтъ говымъ!

Нѣтъ, не отечества сыны
Питомцы пришлецовъ пресрѣбныхъ!

Мы чужды ихъ семей надменныхъ:
Они отъ насъ отчуждены.

Тамъ говорятъ не русскимъ словомъ,
Святую ненавидятъ Русь...
Я ненавижу ихъ, клянусь,
Клянусь и честью и Черновымъ!

На нашихъ дѣвъ, на нашихъ жонъ
Дерзнетъ ли вновь любимецъ счастья
Взоръ бросить полный сладострастья —
Надѣтъ, перуномъ поражаютъ.

И прахъ твой будетъ въ посмѣянье!
И гробъ твой будетъ въ стыдъ и срамъ!
Клянемся, дочерямъ и сестрамъ —
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

А ты! братъ нашихъ ты сердце —
Герой, столь рано охладѣлый!
Взнесись въ небесные предѣлы!
Завидѣть, славень твой конецъ!

Дикуй! ты избранъ русскимъ Богомъ
Всѣмъ намъ въ священный образецъ!
Тебѣ данъ проведный вѣнецъ!
Ты будешь чести намъ залогомъ!

1824.

Н О Ч Ь.

Ночь, приди, меня покой
Тишиною и забвеньемъ,
Обольсти меня видѣньемъ —
Отдыхъ дай мнѣ, дай покой!

Пусть ко мнѣ слетитъ во снѣ
Утѣшитель мой ничтожный,
Призракъ быстрый, призракъ ложный,
Легкій призракъ, милый мнѣ!

Незабвенныхъ, дорогихъ
Наслажуся разговоромъ:
Повстрѣчаюся съ ихъ взоромъ,
Уловлю улыбку ихъ!

Предъ мной моя семья:
Позабыты всѣ печали,
Узы будто не бывали,
Будто не въ темницѣ я! —

ОНИ МОИХЪ СТРАДАНИЙ НЕ ПОЙМУТЬ.

Они моихъ страданій не поймутъ;
Для нихъ смѣшновъ унылый голосъ боли,
Которая, какъ червь, таится тутъ
Въ груди моей. Есть силы, нѣтъ мнѣ воли!

Хоть мигъ покоя дайте! нѣтъ и нѣтъ!
Вотъ вспыхнуло: Я вспрынулъ — я по-
[эть! —
Божественный объемлетъ душу пламенъ,
Толнятся образы, чудесный свѣтъ
Въ глазахъ моихъ — и все напрасно:

[нѣтъ!
Пропало все! Добро бы съ неба камень
Мнѣ черепъ раздвоилъ, или неруиъ
Меня сожегъ: послѣдній трепетъ струиъ
Разорванныхъ вздохнулъ бы въ дивныхъ

[звучахъ
И умеръ бы, какъ грома дальний гулъ —
Но я увязъ въ ничтожныхъ, мелкихъ

[мукахъ,
Но я въ заботахъ грязныхъ утошулъ!
Нѣтъ! не страшусь убійственныхъ объ-
[ятій

Огромнаго несчастья: Рокъ — души!
Ты выжмешь жизнь — не выдавишь
[души —

Но погибать отъ кумушекъ, отъ сватій,
Отъ лепета сосѣдей и друзей! —
Не говорите мнѣ: „Ты Прометей!“

Тотъ былъ къ скалѣ заоблачной прико-
[вашъ,
Его терзалъ не глухой воробей,
А мощный коршунъ. Былъ я очарованъ

Когда-то обольстительной мечтой;
 Я думалъ: кончится борьба съ судьбой,
 И съ всюю всѣхъ земныхъ испытанья;
 Не будетъ сломанъ, устоитъ борецъ,
 Умретъ, но не лишится воздаянья
 И вырветъ на послѣдокъ свой вѣнецъ
 Изъ рукъ суровыхъ... Вѣднѣй я слѣ-
 (пецъ!
 Судьба беретъ меня изъ стѣнъ моей тем-
 [ницы,
 Толкаетъ въ міръ (вѣдь я о немъ жалѣлъ!)
 А мой то міръ исчезъ, какъ блескъ зар-
 [ницы,
 И быть нулемъ отнынѣ мой удѣлъ! —

ПАМЯТИ ГРИБОѢДОВА.

Когда еще ты на землѣ
 Дышалъ, о другъ мой незабвенный!
 А я, съ тобою разлученный,
 Уже страдалъ въ тюремной мглѣ,
 Зачѣмъ, видѣнемъ принесенный,
 Въ отрадномъ, богатомъ снѣ
 Тогда ты не являлся мнѣ?
 Ужели мало, братъ мой милый,
 Я, взятый живою могилой,
 Тоскую, думалъ о тебѣ?

Когда въ боязненной молбѣ
 Слова въ устахъ моихъ коснѣли,
 Любезный братъ твой неужели
 Безъ слезъ, безъ скорби звалъ къ себѣ?
 Вотще я простиралъ объятя,
 Я звалъ тебя, но звалъ вотще:
 Бессильны были всѣ заклятья —
 Ты былъ не зришь моей мечтѣ.
 Увы! всего лишь разъ одинъ
 Передо мной въ полночный мракъ
 Возсталъ возлюбленный призракъ —
 Не въ злой ли часъ твоей кончины?
 Но не было глубокихъ ранъ,
 Свидѣтель борьбы кровавой,
 На тѣлѣ избраннаго славой
 Пѣвца, воспѣвнаго Иранъ*) —
 И — ахъ! — сраженнаго Ираномъ.
 Одѣявъ не былъ ты туманомъ,
 Не искаженъ и не ушылъ,

*) Относится къ поэмѣ Грибоѣдова, схожей по формѣ своей съ „Чайльдъ-Гарольдомъ“. Въ ней превосходно изображена Персія. Этой поэмы, ни гдѣ не напечатанной, не надо смѣшивать съ драмой, о которой упоминаетъ Булгаринъ (т. е. „Горе отъ Ума“).

Примѣч. автора.

Не блѣденъ — пѣтъ, ты ясенъ былъ!
 Ты былъ въ кругу моихъ родимыхъ,
 Тобой познавшихъ, по любимыхъ,
 Тебя любившихъ, не выдавъ.
 Въ видѣннй оной вѣщей ночи
 Твои свѣтлѣ были очи,
 Чѣмъ среди смѣха и забавъ
 Въ чертогахъ суеты и шума,
 Гдѣ свой покровъ не рѣдко дума
 Бросала на чело твое,
 Гдѣ ты прикрыть желалъ ее
 Улыбкой, шуткой, разговоромъ —
 Но дружбѣ взоръ орлиный данъ:
 Великодушный твой обманъ
 Орлинымъ открывался взоромъ —
 Такъ, мнѣ однажды только сонъ
 Тебя представилъ благотворный.
 Съ тѣхъ поръ, суровый и упорный,
 Отказывалъ мнѣ долго оны
 Привлечь въ обитель испытанья
 Твой духъ изъ области сянья.
 А между тѣмъ мои страданья
 Скопились и росли — Но вдругъ
 Ты что-то часто, братъ и другъ,
 Златую предвара денницу,
 Спускаться сталъ въ мою темницу.
 Или зовешь меня туда,
 Гдѣ ты, паря подъ небесами,

Ликуешь съ чистыми духами,
 Гдѣ вѣчны свѣтъ и красота,
 Въ страну покоя надъ звѣздами?
 Или же (много я любилъ!)
 Тѣ, коихъ взоръ и въ самомъ мракѣ,
 Какъ лучъ живительныхъ свѣтилъ,
 Какъ даръ былого, я хранилъ,
 Все, все въ твоёмъ слялись зракѣ?

ПОЛНОЧЬ СЪ 31 ДЕКАБРЯ НА 1 ЯНВАРЯ.

Не часовъ ли торный вой?
 Въ бездну ночи роковой,
 Въ гробъ свой старецъ годъ ушалъ —
 Чу! гудитъ надъ нимъ металъ!

Въ мракѣ колокола звонъ
 Будто надъ могилой стонъ —
 Сколько и угѣхъ и слѣзъ
 Этотъ годъ съ собой унёсъ!

На крылахъ въ нѣмую даль
 Льется радость и печаль;
 Дѣти мы сѣдой земли
 Все потонемъ въ той дали.

Былъ я молодъ и сказалъ:
„Мой житейскій срокъ не малъ!“
Я мечтаю въ своей веснѣ:
„Далеко до пѣли мнѣ.“

Такъ казался безъ конца
Краткій вѣкъ очамъ слѣща!
Вотъ я дряхлости достигъ:
Что же вѣкъ мой? только мигъ!

Вверхъ еще въ жилище бурь
Въ необъятную лазурь,
Вверхъ паритъ столпомъ седымъ,
А ужъ таетъ легкій дымъ.

Съ крутизны кипятъ жемчугъ,
Блескъ и радуги вокругъ;
Но померкъ въ долину свѣтъ,
Шумъ умолять — и пѣны пѣтъ.

Ободряетъ душу сонъ —
Всходитъ солнце: гдѣ же онъ?
Унесенъ волнами тьмы
Сонъ — и дымъ и пѣна — мы!

Восхищаетъ роза насъ:
Но и роза, вѣдь, на часъ;
Съ ней сравню ли бытѣ?
Вѣтеръ оборветъ ее!

Многоводна, широка,
Пышно катится рѣка —
Смертный, гордый суетой!
Не рѣка ли образъ твой?

Въ ней волна тѣснитъ волну —
Всѣ несутся въ глубину,
Въ море безъ береговъ спѣшать —
Кто же видѣлъ ихъ возвратъ?

Какъ теченье быстрыхъ водъ,
Такъ бѣжитъ за годомъ годъ;
Смотришь — и девятый валъ —
Годъ послѣдній — набѣжалъ.

Да хранимъ же каждый часъ!
Ночь, какъ тать, постигнетъ насъ,
Ночь, перадостный предѣлъ
Нашихъ замысловъ и дѣлъ.

ПОМИНКИ.

Помянемъ же родимыхъ,
Ушедшихъ въ мѣръ иной,
Возлюбленныхъ, незримыхъ,
Вкушающихъ покой!

Для нихъ ужь нѣтъ печали,
Заботы нѣтъ для нихъ —
Мы только, мы отстали
Отъ спутниковъ своихъ.

Ахъ! съ нами не они ли,
Среди надеждъ и сновъ,
И радости дѣлили,
И тягости трудовъ?
Ихъ взоръ для насъ унылыхъ
Податель былъ утѣхъ:
Мы все въ объятяхъ милыхъ
Вкушали — плачь и смѣхъ.

И вотъ — надъ ихъ гробами
Стоимъ мы здѣсь одни:
Ужь нѣтъ любовныхъ съ нами!
Увы! ушли они!
Что вѣкъ нашъ? — сонъ! мечташь!
Не все ли здѣсь на часть?
Что-жъ вѣчное желанье
Одно не гаснетъ въ насъ?

Найдемъ ли похищенныхъ?
Ихъ погребли мы прахъ;
Поищемъ забывенныхъ
Въ надоблачныхъ странахъ.
Не тамъ ли совершенство?
Не тамъ ли миръ и свѣтъ?

И царствуетъ блаженство,
И слѣзь и стоновъ нѣтъ?

О, Милосердный, Вѣчный!
Да совершимъ съ Тобой
Мгновенный, скоротечный.
Но сколькѣй путь земной!
Да узримъ надъ звѣздами
Всѣхъ тѣхъ, которыхъ Ты
Связалъ любовью съ нами —
Въ юдоли темноты!

Не смыла ли ихъ пятна
Спасителя кровь?
Вовѣки необъятна,
Отецъ, Твоя любовь!
Идемъ съ Твоею силой —
Тяжелъ житейскій путь;
Но съ ними за могилой
Ты дашь намъ отдохнуть.

Еще мы не въ пустыни —
Умолкъ не всѣхъ же гласъ —
Не всѣ друзья по нынѣ
Опередили насъ — —
Не огорчимъ ни словомъ.
Ни взглядомъ остальныхъ:
Ты, Боже, будь покровомъ
И мертвыхъ и живыхъ!

И мы закроемъ очи
Въ опредѣлшнй срокъ —
Но средь могильной ночи
Зардѣтся востокъ:
Насъ встрѣтятъ взоръ любезный,
Увидимъ ихъ въ лучахъ,
И ужъ разлуки слезной
Не будетъ въ небесахъ.

Тоскуемъ мы и страждемъ!
Безсмертiя водой,
Водой, которой жаждемъ,
Создатель, насъ напои!
Владыка, вождь, хранитель!
Не дай споткнуться намъ!
Да внидемъ въ ту обитель,
Да будемъ чисты тамъ!

ПОСВЯЩЕНIЕ

ПОЭМЫ: „СИРОТА“ А. С. ПУШКИНУ.

Туда, въ обитель наслажденья
Подъ кровъ, гдѣ ты — не рабъ суетъ —
Любовь, и миръ, и вдохновенья
Изъ жизни черпаешь, поэтъ,
Туда несется мой привѣтъ!
Тамъ ты на якорѣ — и бури
Ужъ не мрачатъ твоей лазури.

За друга и мои мольбы
Горѣ нарили къ Пресвятому,
И внявъ Отецъ и Царь судьбы:
Будь слава промыслу благому!
Изъ грозной, тягостной борьбы
Съ вѣнкомъ ты вышла. Что и грому
Греметь отнынѣ? Былъ свирѣтъ;
Но ты подь ревь его окрѣтъ.

Тотъ, на кого я уповаю
Меня услышитъ! Дайъ ты въ честь,
Въ утѣху дайъ родному краю;
Въ подругѣ ангела обрѣсть
Умѣлъ ты — и, подобно раю,
Отнынѣ днямъ поэта цвѣсть;
Расторгъ ты козни вѣроломства;
И такъ: впередъ, и въ слухъ потомства

Пролейся въ пѣсняхъ вѣковыхъ!
Талантъ, любимцу небомъ данный,
Въ унылой ночи пѣдръ земныхъ
Да несокроется! — Избранный!
Примѣръ и вождь пѣвцовъ младыхъ!
Въ эфиръ свободный и пространный
Подлетъ тебѣ ли не знакомъ?
Впередъ же, доблестнымъ орломъ!

А я, надеждою одною
На мощь и силу друга смѣлъ,

Страшусь стремиться за тобою —
 Не свѣтлый выпалъ мнѣ удѣлъ;
 Но, братъ, и я хранимъ судьбою:
 Вотще я трепеталъ и млѣлъ;
 Цѣлебна чаша испытанья,
 Восторга не забьютъ страданья.

Еще не вовсе я погасъ,
 Не вовсе пѣсни мнѣ постыли,
 И арфу я беру подъ часъ,
 Изъ гроба вызываю были,
 И тѣло имъ даетъ мой гласъ —
 Мечты меня не позабыли:
 Не пламень, не огонь мой даръ,
 Онъ подъ золою тихій жаръ.

Что нужды? жаръ тотъ благодатенъ:
 Я имъ питаемъ и живимъ!
 И дружбѣ будетъ же пріятенъ
 Смиренный цвѣтъ, рожденный имъ.
 Пусть будетъ голосъ мой невнятенъ
 Сердцамъ, съ рожденія глухимъ —
 Не посвящаю пѣсни свѣту,
 Но сердцу друга — но поэту!

МОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНІЕ.

Замолкъ и меркнетъ вѣщій духъ,
 Не брызжутъ искры вдохновенья,
 Исчезли дивныя видѣнья:
 Въ груди пѣвца восторгъ потухъ.
 Такъ постепенно тисне рдѣетъ
 Безъ жизнедатнаго огня
 И остываетъ и чернѣетъ
 Подъ мертвымъ тепломъ головня.
 Внимаешь томный слухъ поэта
 Не гуду арфы съ рубежей
 Отцизны истины и свѣта,
 Нѣтъ — свисту и шипѣнью змѣй —
 Обвили чешуей холодной
 Они добычу; жало ихъ
 Надъ нимъ трепещетъ: блѣдень, тихъ,
 Угрюмъ — безъ жалобы безплодной,
 Слабѣетъ онъ — Вдругъ чихъ-то крыль.
 Эфирный шорохъ? Въ бездну ночи,
 Въ безбрежный океанъ свѣтили,
 Спасенья жаждущія очи
 Страдалецъ, молча, устремилъ —
 И се! великій Израиль*)
 Стоитъ предъ нимъ. Въ одно мгновеніе

*) Израиль — ангелъ поэтѣ по персидской мифологіи. *Прим. автора.*

Расторгъ могущей крѡвы мглы,
 Раздралъ кровавыхъ змѣй узлы —
 И сдулъ съ души пѣвца мученье;
 Потомъ вѣщалъ: „Шигомецъ мой,
 Какъ сталъ ты жертвою чудовищъ?“
 Еще ли мало надъ тобой
 Изсыпалъ я своихъ сокровищъ!
 Молилъ, звалъ ты: „Пѣсней мнѣ!
 „Въ безсмертномъ, чистомъ ихъ огнѣ
 Всѣ скорби я сожгу земныя.“
 И внялъ я: въ звуки я одѣлъ
 Видѣнья вѣчно молодыя,
 И съ роємъ ихъ къ тебѣ слетѣлъ,
 И такъ повѣдалъ: „Твой удѣлъ —
 И думы, и мечты, и лира;
 Но не желай блаженства міра;
 А да прельщешь съ священныхъ струнъ
 Крылатый, радостный перунъ!
 И онъ помчится въ хляби дали,
 Разрѣжетъ тучу — и лазурь
 Укажетъ смертнымъ, выше бурь,
 Въ предѣлахъ тѣхъ, гдѣ нѣтъ печали.
 Ты часть свою благословилъ,
 Ты взялъ ее — такъ что же нынѣ
 Ты вдругъ безъ мужества и силъ?
 Или ты измѣнилъ святыхъ?
 Кумирамъ жаждешь ты служить,
 Кадить и ибѣ и гордынѣ?“

п о с т ѣ .

Святыхъ вѣренъ я и нынѣ,
 И мнѣ ли подоламъ кадить?
 Пусть сумрачна моя обитель,
 Пусть дней моихъ уныла нитъ,
 Но ты со мною, мой хранитель,
 И вновь судьбу благословитъ
 Готовъ я. Мощный и прекрасный
 Посланикъ изъ страны чудесъ,
 Ты претворяешь, сынъ небесъ,
 Глухую полночь въ полдень ясный:
 Съ тобою бодръ и силенъ я,
 Съ тобою вѣрую въ избранье!
 Но отлетѣнь — опять страданье
 Сжимаетъ душу; грудь моя
 Полна терзанья и сомнѣній,
 И самъ ты, свѣтозарный геній —
 (Прости безумью слѣпоты!)
 Тогда мнѣ кажешься и ты
 Коварнымъ духомъ оболщенный —!
 Или мой жребій не жестокъ?
 Изъ сонма дышащихъ творений
 Меня не выхватилъ ли рокъ?
 Безъ усталы бѣжитъ потокъ
 И дней и лѣтъ — — Какого-жъ вѣка?
 Не умъ ли нынѣ чловѣка
 Творитъ изъ міра міръ иной?
 Что-жъ? непреступною стѣной,

До самой тверди взгроможденной,
Я отдѣленть отъ всей вселенной.
Нѣмѣетъ слабый гулъ наукъ,
За мой порогъ не пролетая.
Здѣсь, ухо всея поражая,
Часовъ однообразный стукъ
Надъ временемъ насмѣшка злая:
Оно стоитъ. И мнѣ-ль мечтать
Изъ мертвой тьмы удивленья
Учить живыя поколѣнья
И міру Бога возвѣщать?

И С Ф Р А И Л Ъ.

Ты отдѣлени отъ суеты,
Отрѣзанъ ты отъ преткновеній —
Жалѣешь о наукахъ ты?
Но, полный и теперь сомнѣній,
Скажи: что было бы съ тобой,
Когда бы легкою душой
Ты пелся по порогамъ преній,
Раздравшихъ шнѣ бытъ людской?
Непостоянствъ ликъ науки,
Какъ ликъ измѣнчивой луны —
Но изъ сердечной глубины
Текутъ одни и тѣ же звуки
И вторятся изъ вѣка въ вѣкъ.
Ихъ слышитъ, какъ сквозь сонъ мятеж-
Дрожитъ и мѣлетъ человѣкъ, [ный,

И рвется въ оный край безбрежный,
Гдѣ все покорно красотѣ,
Гдѣ правда, свѣтъ и совершенство.
Да разгадаешь звуки тѣ!
Вотъ долгъ твой, вотъ твое блаженство!
Богъ — Богъ безмолвія и думъ:
И здѣсь, гдѣ умеръ міра шумъ,
Гдѣ окруженъ ты тишиною,
Не онъ ли предъ твоей душою
Стоитъ, отецъ своихъ дѣтей?
Какъ горный токъ, падающій въ доли,
Такъ въ сердце братій, въ грудь друзей
Излей могучіе глаголы
О немъ, предвѣчномъ, трисвятомъ.
Да совершишь предназначенье —
И по трудѣ въ успокоенье
Онъ призоветъ тебя въ свой домъ.

ПРИ ИСХОДѢ 1841 ГОДА.

Что скажу я при исходѣ года?
Слава Богу, что и онъ ушелъ!
Былъ онъ для изгнанника тяжолъ,
Мрачный, какъ сибирская природа.
Повторять ли въ сотый разъ: „Все тлѣнно,
Все подъ солнцемъ дымъ и суета?“
Не повѣрять! Тѣшитъ ихъ мечта —
Для людей ли то, что совершенно?

Ноша жизни однозвучной, вялой,
Цѣль пустыхъ заботъ и мукъ и сповъ,
Глупый стукъ разстроенныхъ часовъ —
Гадки вы душѣ моей усталой.

ПСАЛОМЪ 102.

Благослови, благослови,
Душа моя, Отца Любви!
Все, что во мнѣ живетъ и дышитъ,
Да хвалитъ Бога моего,
И славу имени Его
Вселенна да услышитъ!

Огонь священный, влейся въ грудь!
Душа моя, не позабудь
Несмысленныхъ божіихъ даний!
Съ тебя смываетъ всякій грѣхъ
Господь, податель всѣхъ утѣхъ,
Цѣлитель всѣхъ страданій.

Онъ Богъ твой: не погаснешъ ты
И средь могильной темноты!
Щедротами тебя вѣнчая,
Онъ всѣ твои желанья зритъ;
Во благо, вѣрь, ихъ совершитъ
Его рука святая.

И какъ возносится орель,
Который въ небо путь нашель,

И плетъ изъ солнца жизнь и радость —
И ты такъ въ небо воспарилъ
И силой Бога обновилъ
Неблекнущую младость.

Когда и кто постичь возмогъ,
Сколь милостивъ Господь, мой Богъ,
Сколь благъ и дивенъ Вседержитель?
Бездонный океанъ щедротъ
Безидельныхъ, горестныхъ спротогъ,
Гошимыхъ Онъ хранитель.

Неизреченно благъ мой Богъ!
Господней благодати залогъ,
Законъ, ниспосланный любовью,
Законъ святой, источникъ силъ,
Который Божій сынъ скрѣпилъ
Своей чистѣйшей кровью.

Благій спиходитъ долго намъ:
Намъ воздастъ не по дѣламъ,
Но по винѣ насъ наказуеъ;
Не держитъ гнива до конца:
Да възыснешъ Божія лица —
И Богъ ужь не враждуетъ!

Нѣтъ мѣры и предѣла нѣтъ
Жеиру, коимъ миръ одѣтъ:
Такъ милосердію нѣтъ мѣры,
Которымъ всюду, всякій часть.

Всевышній окружаетъ насъ —
Къ нему ли быть безъ вѣры?

Надежду на него возложи;
Отстань отъ суеты и лжи,
Отъ беззаконья и порока —
И скорби, что тебя тягчатъ —
Имъ удалятся, какъ закатъ
Отдвинуть отъ востока.

Какъ любящій дѣтей отецъ,
Такъ смертныхъ милуетъ Творецъ.
Онъ знаетъ насъ, онъ помнитъ — кто мы:
Не пепель ли, не прахъ ли мы?
Не всё ли въ почвѣ могильной тьмы
Съ рожденія влекомы?

Травѣ подобится нашъ вѣкъ,
Какъ цвѣтъ — такъ вянетъ человекъ:
Сегодня — живъ, завтра — въ гробѣ;
Исчезли всё его труды —
Онъ былъ ли? пѣтъ уже пужды
Ни дружеству, ни злобѣ.

Могилы сынъ, не ушывай!
Твой путь земной не путь ли въ рай?
Живеть его любовь святая
Изъ вѣка въ вѣкъ и безъ конца;
Къ творенію любовь Творца
Живеть, не умирая.

Господни милость и покровъ
Пребудутъ на сынахъ сыновъ
Тѣхъ, коимъ свята власть Господня:
Не небеса-ль его престоль?
И не Ему-ль подвластны долъ,
И твердь, и прешнодья?

Создатель онъ и царь всего —
Хвалите Бога своего,
Того, кому вы предстоите,
Могущій сонмъ Его пословъ!
Полки Его святыхъ рабовъ,
Царя благословите!

Вы гласу внимлете Его:
Да славословите Того,
Чьи совершасте веленья!
Вы, тьмы и тьми духовъ и силъ,
Вы, раи солнцевъ и свѣтилъ,
Вы — рукъ Его творенья!

Міры и звѣзды пѣснь ему!
Псалмомъ Владыкѣ своему
Да будетъ вся его держава!
Благослови, благослови
Душа моя Отца любви!
Ему во вѣки слава!

ПСАЛОМЪ 143.

Господь мою десницу браши,
И мышцы битвамъ научилъ;
Къ нему воздвигну гласъ и длани:
Благословенъ Податель силъ!

Благословенъ мой Избавитель,
Крушитель броней и забралъ,
Помощникъ мой и Защититель,
Богъ — на него-жъ я уповалъ!

Что человекъ, о Всемогущи?
А на него взирася Ты
Изъ свѣтлой, неприступной кущи,
Съ небесной тайной высоты!

Почному мы равны призраку,
Ищельцу изъ жилища тмы,
Весешему подобны злаку,
Травы скорѣе вянемъ мы.

Всевышній небо преклоняетъ
И — въ буряхъ, молніяхъ и мглѣ —
Средь облакъ путь свой направляетъ
Къ объятай трепетомъ землѣ.

Онъ гнѣвные преклонитъ взоры —
И бездны стонуть и ревутъ,
Колышутся волнами горы,
Утесы и холмы бѣгутъ.

Простеръ святую съ неба руку —
Исторгъ меня изъ шумныхъ водъ,
Послалъ на грѣшныхъ скорбь и муку,
Сразилъ, развѣялъ злобный родъ!

Ковали хищники крамолы;
Десница лжи, десница ихъ,
Въ устахъ ихъ тщетны глаголы;
Исчезли въ замыслахъ своихъ —

Прославлю на златой псалтирѣ
Защиту Бога моего:
Пою по брашѣ въ сладкомъ мирѣ,
Пою, ликующий, Его,

Его, дающаго спасенье
И честь, и торжество царю!
Къ тебѣ, Давида заступленье,
Мой Господи, къ тебѣ парю!

Отъ гладнаго меча, Владыка,
Ты твоего раба хранилъ;
Каратель чуждаго языка,
Ихъ гонишь духомъ бурныхъ крылъ.

Ихъ зрѣлъ я: юная дубрава,
Воздвиглись мощные сыны;
Одежда дочерей — блескъ и слава,
Въ красу, какъ храмъ, облачены.

Питаются роскою паствой
Ихъ многоплодные стада;

Трапезы клонятся под яствой;
За ихъ впомъ молчитъ вражда!

Молчитъ мятежъ и своевольство,
Окованъ дерзостный разбой —
Ихъ пѣжитъ тучное доволство,
Труды ихъ золотитъ покой.

Грядутъ — и очи къ нимъ подъямятъ
Пришельцы изъ земель чужихъ;
Восторженнымъ ихъ пѣснямъ внемлютъ
И ублажаютъ долю ихъ!

По блага грѣшниковъ мгновены:
Подуетъ вѣтеръ — гибнетъ плоть!
Сыны-жъ Израиля блаженны:
Хранитель нашъ и Богъ — Господь!

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Скажи: совсѣмъ ли мнѣ ты измѣнилъ,
Доселѣ неизмѣнный мой хранитель?
Для узника въ волшебную обитель
Темницу превращалъ ты, Израиль!
Я былъ одинъ покинутъ всѣми въ мѣрѣ,
Всего страшился, даже и надеждъ —
Бывало же, коснешься томныхъ вѣждъ —
Съ нихъ снимешь мракъ, дашь жизнь и сп-
И снова я свободенъ и могуць: [ду лирѣ —

Растаяли затворы, спали цѣпи,
И, какъ орелъ подъ солнцемъ изъ за-тучь
Обозрѣваетъ горы, рѣки, степи,
Такъ вижу мѣръ раскрытый подъ собой,
И радостно, сквозь ужасъ холодной ночи,
Бросаю полные восторга очи
На свитокъ, писанный судьбы рукою!
А нынѣ пали стѣны предо-мною —
Я воленъ; что же? блѣдныя заботы
И грязный трудъ, и вопль глухой нужды,
И визгъ дѣтей, и стукъ тупой работы
Перекричали пѣснь златой мечты,
Смѣли, какъ прахъ, съ души моей видѣнья,
Отняли время и досугъ творить —
И вядыхъ дней безжизненная шить
Прядется мнѣ изъ мукъ и утомленья.

РОСИНКИ.

Сонъ побѣжденный
Съ выси янтарной
Калугъ за лѣсъ:
Шаръ лучезарный,
Око вселенной,
Сердце небесъ,
Всходитъ — и пало
Тьмы покрывало,
Сумракъ исчезъ.

Съ снѣга свода
Токи ли злата
Льются на мѣръ?
Съ ложа подъята,
Встала природа,
Сѣла за шуръ.
Пышетъ и блещетъ,
Жизнью трепещетъ
Легкій эфиръ.

Сладостный пламень
Горьней пучины
Всюду горитъ:
Холмы, долины,
Море и камень
Мощный живитъ;
Твердью ли стала
Капля кристалла?
Въ ней его щитъ!

Въ лонѣ росники
Слабой, дрожащей,
(Дунешь — и пѣтъ!)
Чуть тиготящей
Чашу былинки —
Слава и свѣтъ,
Тронъ исполна,
Зракъ Властелина,
Дней и планетъ.

Съ ясной лазури
Солнце вѣщало:
„Хлиби! валы!
„Миѣ ли зеркало
„Плѣнники бури,
„Ушки мгли?
„Рвите заклѣпы,
„Дики, свирѣны,
„Рушьте скалы!

„Васъ ли, мятежныхъ,
„Каплѣ смиренной
„Я предпочту?
„Съ стращъ безрубежныхъ
„Къ черни надменной,
„Къ вамъ въ темноту,
„Въ бездну, гдѣ грохотъ,
„Скрежетъ и хохотъ
„Я ли сойду?“

Благостный, Вѣчный,
Дивный не въ шумлѣ,
Богъ не въ грозѣ:
Пѣтъ — въ тихой думѣ,
Въ глубѣ сердечной,
Въ тейлой слезѣ,
Въ скорби незлобной,
Въ дѣвѣ, подобной
Чистой росѣ!

С О В Ъ Т Ь.

Когда же злая чернь не клеветала?
Когда же въ грязь не силилась втянуть
Избраниковъ, которымъ горній путь
Рука Господня въ небѣ начертала?
Ты говоришь: „Я одаренъ душой!“
Зачѣмъ же ты мѣшаешься съ толпой?

Толпѣ безсмысленной мое презрѣнье:
Но сына Лаия почтилъ Тезей;
Такъ предъ страдальцемъ ты благоговѣй,
Иль самъ свое поднинешь осужденье.
Пѣвцу въ твоёмъ участы пужды нѣтъ;
Но сожалѣть о тебѣ неохотъ.

Глубокихъ ранъ, кровавыхъ язвъ сердеч-
ныхъ
Мнѣ много жадный наносилъ кинжалъ,
Который не въ рукѣ враговъ сверкалъ —
Увы — въ рукѣ друзей безсловѣчныхъ!
Что-жь? знать во мнѣ избытокъ дивныхъ
силъ —
Ты видишь: я тѣ язвы пережилъ.

Теперь я старъ, слабѣю — но и эту
Переживу: вѣдь мнѣ насущный хлѣбъ
Терзая — вѣдь наперстнику судьбъ
Недаромъ достается путь ко свѣту.

Страдать, терпѣть готовъ я до конца:
Съ чела святого не сорвутъ вѣща.

Умру и смолкнуеть хохотъ вѣроломства;
Меня покроетъ чудотворный щитъ,
Всѣ стрѣлы клеветы оиъ отразитъ —
Смѣются? пусть! проклятіе потомства
Не мшнетъ ихъ — осмѣятъ былъ же
[Тасса —
Быть-можетъ, тотъ, кто здѣсь стоитъ.
[среди васъ,

Не менѣ Тасса —! Будь же остороженъ,
Къ врагамъ моимъ себя не приобщай,
Безчестнаго безсмертья не желай:
Я слабъ и дряхъ, и темень, и ничтоженъ,
По только здѣсь; моимъ злодѣямъ тамъ
За ихъ вражду награда — вѣчный срамъ.

СОНЪ И СМЕРТЬ.

О сонъ безмолвный! благотворный гений!
Таинственный! — сколь ты могучъ и
тихъ!
Ты царь, и правишь племенемъ видѣннй!
Тотъ счастливъ, кто въ объятіяхъ твоихъ
Забвенье всѣхъ жгигейскихъ пьетъ вол-
неній!

Ты повѣлишь ли, кроткій духъ утѣхъ,
И въ мигъ тоску страдальца смѣнить
[смѣхъ.]

Тому, кто разлученъ на вѣкъ съ друзьями,
Священныя, родныя имена
Не ты-ль твердишь волшебными устами?
Тобой пустыня вдругъ населена:
На нихъ восторга полными очами
Онъ смотритъ, внемлетъ сладкимъ ихъ
[рѣчамъ,
Ихъ руку жметъ: онъ съ милыми —
[онъ тамъ!

Скажи же мнѣ, мой горній утѣшитель,
Душѣ моей встревоженной открой:
Кто тотъ другой могучій усыпитель,
Тотъ духъ нѣмой и грозный? Братъ
[ли твой?
Его земли мгновенный посѣтитель,
Страшливый гость подъ солнцемъ, чело-
[вѣкъ,
Суровымъ, тяжкимъ именемъ нарекъ —
Твой братъ, или ты самъ, но измѣненный,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, съ завѣшаннымъ
[челомъ?
Готовъ я, зносомъ жизни изнуренный,
Назвать могилу сладостнымъ ордомъ.

Властитель дивный, мракомъ покровен-
[ный,
Поставившій средь ночи свой престолъ!
Да внемлешь мнѣ, да примешь мой гла-
[голь:

Когда закроешь мнѣ на долго вѣжды
И остановишь токъ моей крови,
И снимешь бремя тягостной одежды
Съ раменъ моихъ — тогда ты мнѣ яви
Нетщетными обѣты той надежды,
Обѣты тѣхъ божественныхъ свѣтилъ,
Для коихъ я дышалъ, страдалъ и — жилъ!

Т Е Р П Ъ Н І Е .

Все кругомъ темно и душно,
Твердь заволокло грозой —
Сердце, Богу будь послушно!
Онъ твой Богъ, хранитель твой!
Стрѣлы грома Онъ притупитъ,
Солнце возведетъ на твердь;
Стихнетъ буря, миръ наступитъ,
Изнемогутъ страхъ и смерть.

Ты предалъ ли пепель милый
Друга, свѣта дней твоихъ,

Хладной тѣмѣ нѣмой могилы:
Будь безропотенъ и тихъ!
Сѣятель посѣялъ сѣмя,
Сѣмя взойдетъ для жнеца —
Вамъ разлука лишь на время;
Въ домѣ свидитесь Отца!

Возросли ли трудъ и пужды,
Истомилъ ли зной тебя:
Богу скорбные не чужды,
Богу сирыхъ ввѣрь себя!
Онъ и самыя страданья
Посылаетъ въ благо намъ;
Знаетъ мѣру испытанья,
Внемлетъ вздохамъ и слезамъ.

На твою благую славу
Клеветали — черныи змѣй,
Льетъ смертельную ораву!
Брось унынье, не робѣй,
Спасу слѣдуй безъ боязни;
Нешадила-жь и Христа
Злоба буйной непріязни!
Посрамятся клевета!

„Пусть бы врагъ — но мой гонитель
„Другомъ былъ души моей;
„Хлѣба, думъ моихъ дѣлитель,
„Сынъ мой, братъ мой — мнѣ злодѣй!“

Тяжко — такъ! но все-жь слѣпому,
Все-жь безумному прости;
Съ вѣрой воззови къ благому,
Шествуй по его пути.

Кто, недугомъ пораженный,
Не поднимется съ одра,
Да не ропщетъ, дерзновенный!
Будь душа его бодр:
Благъ и святъ Непостижимый,
Святъ и благъ его законъ —
Въ чадахъ Бога сынъ любимый
Тотъ, кого накажетъ онъ.

Узникъ горестный — терпѣнье!
Мракъ и ужасъ предъ тобой;
Но не дремлетъ Провидѣнье,
Нѣтъ, не спитъ создатель твой;
Не забылъ тебя Спаситель:
Здѣсь ли тлѣнь твой разрѣшить,
Въ ту ли вознесетъ обитель,
Здѣсь ли, тамъ ли. Онъ твой щитъ —

Здѣсь за теплымъ солнцемъ лѣта
Мракъ убійственной зимы;
Здѣсь огонь злагого свѣта
Гаснетъ средь пезанной тьмы;
Здѣсь то ведро, то ненастье,
То волненье, то покой —

Дымъ и вѣтеръ міра счастье,
Все на время подъ луной.

Не теряйте упованья:
Здѣсь начало — тамъ конецъ;
Тамъ терпѣнью воздана,
За побѣду тамъ вѣнецъ.
Такъ! за гробомъ отдыхъ вѣчный —
Други, чѣмъ тяжелѣ намъ
Путь земной и скоротечный,
Тѣмъ вѣрнѣе къ небесамъ!

Потерпите Бога, братья!
Васъ, омытыхъ отъ грѣховъ,
Призоветъ въ свои объятя
Онъ, Отецъ своихъ сыновъ.
Потерпите день единый,
Потерпите малый часъ —
Свѣтъ безъ ночи, безъ кончины,
Вѣчность ожидаетъ васъ!

ТѢНЬ РЫЛѢВА.

Въ ужасныхъ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ Иоаннъ,
Въ младенчествѣ лишенный богряницы,
Во мракѣ заточенья былъ закланъ
Будатомъ ослѣпленнаго убицы —

Во тѣмѣ, на узницьемъ одрѣ, лежалъ
Пѣвецъ, поклонникъ пламенный свободы,
Отторженъ, отлучонъ отъ всей природы,
Онъ въ волныхъ думахъ счастья искалъ.
Но не придуть обратно дни былые:

Прошла пора надеждъ и сновъ —
И вы, мечты, вы, призраки златые —
Не позлатите желѣзныхъ вамъ оковъ!
Тогда (то не былъ сонъ) во мракъ темницы
Небесное видѣніе сошло —
Раздался звукъ торжественной цѣвинцы —
Испуганный пѣвецъ подъялъ чело:

На облакахъ несомый,
Явился образъ: узнику знакомый:

„Несу товарищу привѣтъ
„Изъ той страны, гдѣ иѣтъ тирановъ,
„Гдѣ вѣченъ миръ, гдѣ вѣчный свѣтъ,
„Гдѣ иѣтъ ни бури, ни тумановъ.
„Блаженъ и славенъ мой удѣлъ:
„Свободу русскому народу
„Могучимъ гласомъ я воспѣлъ,
„Воспѣлъ и умеръ за свободу!
„Счастливецъ, я запечатлѣлъ
„Любовь къ землѣ родимой кровью —
„И ты, я знаю, пламенѣлъ
„Къ отчизнѣ чистою любовью.
„Грядущее твоимъ очамъ

„Разоблачу я въ утѣшеніе —
 „Повѣрь, не жертвовалъ ты снамъ:
 „Надеждамъ будетъ исполненіе!“

Онъ рѣкъ — и безтѣлесною рукой
 Раздвинулъ стѣны, растворилъ затворы —
 Воздвигъ пѣвецъ восторженные взоры —
 И видитъ: на Руси святой
 Свобода, счастье и покой —
 1827.

(Шлиссельбургская крѣпость.)

Т Р И Т Ъ Н И.

На дикомъ берегу Онона я сидѣлъ:
 Я, чьей младенческой печали
 Ижора и Нева задумчиво внимали,
 Я (страшный же удѣлъ!)
 Кому рукоплескалъ когда-то градъ над-
 [меньшій,
 Соблазнить и образецъ, гостинница вселен-
 [ной,
 И кто въ Массиліи судьбу народовъ пѣлъ,
 А въ слѣдъ за тѣмъ, влекомый вѣщимъ
 [духомъ,
 Родоначальникомъ нецреченныхъ думъ,
 Средь грозныхъ, мертвыхъ скалъ, скло-
 [нялся жаднымъ слухомъ,

На ревъ и грохотъ водъ, на вѣтра свистъ
 [и шумъ,
 На годось чадъ твоихъ, Кавказъ небо-
 [громитель!
 И напоследокъ былъ темницы душной
 [житель —
 Свинцовыхъ десять лѣтъ, какъ въ гробѣ,
 [протекло;
 Однообразный бой часовъ безъ измѣнѣнья,
 До срока инесемъ посыпалъ мнѣ чело,
 Въ глухихъ твердыхъ заточенья.
 Все обмануло, кромѣ вдохновенья!
 Такъ! и судьбы неумолимый гнѣвъ
 Не отнял у меня любви безсмертныхъ
 [дѣлъ;
 Слетали къ узнику священные видѣнья.
 Что-жь? въ мѣрѣ положенъ всему пре-
 [дѣлъ:
 За старымъ новое отвѣдалъ я страданье;
 Ужь нынѣ не тюрьма мой жребій, а
 [изгнанье —
 На дикомъ берегу Онона я сидѣлъ,
 И вотъ раздумывалъ причудливую долю
 Свою и тѣхъ, съ которыми ходилъ,
 Во дни моей весны, по жизненному полю
 Питомцевъ близкихъ межъ собой свѣ-
 Ихъ духъ отъ скорби опочилъ, [гилъ.
 Но тѣни ихъ, моихъ клеветовъ,

Жертвъ сердца своего, страдальцевъ и
[поэтовъ,
Я вызывалъ изъ дальнихъ ихъ могилъ.
Угрюмый сынъ стеней, хранительницъ
[Китая,
Рошталъ утесами стѣсняемый Ононъ,
Волнами тусклыми у ногъ моихъ сверкал,
И, мнилось, повторялъ *изъ* передсмерт-
[ный стоиъ —
И, словно факелъ *изъ* уньныхъ похо-
Горѣла на небѣ луна иѣмая. [роиъ,
Быль безпредѣльный сонъ на долахъ, на
[горахъ:
Тутъ нѣ спалъ только я съ своей жи-
[вой тоскою —
Вдругъ — будто арфы вздохъ пронесся
[надъ рѣкою;
Таинственный меня обвѣялъ страхъ;
И что-жь? — то былъ ли бредъ боль-
[ного воображенья,
Или трепещутся и тамъ еще сердца,
И въ-самомъ-дѣлѣ другъ, податель утѣ-
[шенья,
Явиться можетъ намъ, расторгнувъ узы
[тлѣнья?
Почудилися мнѣ родныя три лица!
Я не слыхалъ шаговъ — скользили при-
Воды не возмущая, по водѣ. [видѣнья,

Надъ каждымъ призракомъ дрожало по
[звѣздѣ
И слѣдомъ каждаго была струя мер-
[цающа —
Я вспрыснулъ, облитый потокомъ содра-
[ганья
И въ сладостномъ восторгѣ, какъ со сна,
Вскричалъ и произнесъ любезныхъ имена:
„Братъ Грибоѣдовъ, ты? ты, Дельвигъ?“
[Пушкинъ, ты ли?“
Взглянулъ: ихъ нѣтъ — они ужь въ
[даль уплыли!
Вотще я руки простиралъ къ друзьямъ:
Какъ прежде, все померкло и заснуло —
Лишь только что-то будто бы шепнуло:
„Такъ вѣрь же, есть свиданье тамъ!“

УПОВАНИЕ НА БОГА.

На Бога возложу надежду:
Не Онъ ли въ миръ меня облекъ?
Не Онъ ли черную одежду,
Худу и скорбь съ меня совлекъ?
Мои враги торжествовали —
„Погибни!“ ихъ вѣщаль языкъ.
Но Богъ боговъ на нихъ приникъ:
Злодѣи въ козняхъ обнищали.

Онъ правоту мою явилъ,
Какъ лучъ полуденный и чистый,
Какъ блескъ безчисленныхъ свѣтилъ;
Воздвигъ меня на холмъ кремнистый
И кровомъ крылъ своихъ покрывъ.

Десницу къ звучному органу
Простру и воскрилюсь душой:
Тебя, мой Боже, славить стану;
Ты мечъ и щигъ и пащырь мой!

Глаголь съ небесъ въ меня вложенный,
Какъ громъ, промчится въ времена —
Дивясь, умолкнуть племена;
Свой слухъ преклонять изумленный
Моря и доль, и вышина.

Гремите же, святыя струны,
Предъ Богомъ: онъ хранитъ пѣвца!
Раздайтесь до міровъ конца!
Летите звучные перуны,
Разите гордыя сердца! —

Э Л Е Г И Я .

Склонился на руку тяжелой головою
Въ темницѣ сумрачной задумчивый по-
[этъ —

Что такъ очей его погасъ могущій свѣтъ?
Что стало предъ его померкнушою душою?

О чемъ мечтаетъ? Или духъ его
Лишился мужества всего

И палъ предъ испріязненной судьбою?
„Не нужно состраданья твоего!

Къ чему твои вопросы, хладный зритель
Тоски, которой неопиать тебѣ?

Твоихъ ли утѣшеній, утѣшитель,
Онъ требуетъ? Оставь ихъ при себѣ!

Пѣть, не ему тужить о суетной утратѣ
Того, что счастьемъ зовете вы —

Равно доволенъ онъ и во дворцѣ и въ хатѣ;
Не послѣдѣли бы власы его главы,

Хотя бы самъ, въ поту лица, руками
Приобрѣталь свой хлѣбъ за тяжкою сохой,
Онъ былъ бы твердь подъ бурей и
[грозами,

И равнодушно снесъ бы мразъ и вной.
Онъ не терзается и по златой свободѣ:
Пока огонь небесъ въ поэтѣ не потухъ,
Поэта и въ цѣняхъ еще свободенъ духъ.

Когда-жъ и съ грустью мыслить о
[природѣ,

О божьихъ чудесахъ на небѣ, на землѣ,
О долахъ, о горахъ, о необъятномъ сводѣ,

О рощахъ, тонущихъ въ вечерней, бѣ-
[лой мглѣ,

О солнечномъ, блистательномъ восходѣ,
О дивномъ сонмѣ звѣздъ златыхъ,
Безчисленныхъ лампадъ всемірнаго чер-
[тога,

Несмѣтныхъ исповѣдниковъ цѣмыхъ
Премудрости, величья, славы Бога —
Не безъ оградъ все же онъ:

Въ его груди вселенная иная; [законъ,
Въ ней тотъ же благодати таинственный
Въ ней та же заповѣдь святая,

По коей выше тьмы и золь и облаковъ,
Безъ усталы течеть великій полкъ міровъ.
Но вѣдать хочешь ты, что сумракъ зна-
[менуетъ,

Которымъ, будто тучей, облегло

Цѣвца унылое чело —

Увы! онъ о судьбѣ тоскуетъ,

Какой ни Меонидъ, ни Камозисъ, ни Тассъ,

И въ ибѣсахъ и въ бѣдахъ его предтечи,

Не испытали; пламень въ немъ погасъ,

Тотъ, съ коимъ не были ему ужасны
[встрѣчи

Ни съ скорбнымъ недугомъ, ни съ хлад-
[ной нищетой,

Ни съ вѣтренной измѣной

Любви, давно забытой и презрѣнной,

Ни даже съ душною тюрьмой.“

Я ЕСМЬ — КОНЕЧНО ЕСТЬ И ТЫ!

Онъ есть! — умолкну лепетанье
Холодныхъ, дерзостныхъ слѣпцовъ!
Онъ есть! я рукъ его созданье;
Онъ царь и Богъ своихъ міровъ.
Въ немъ жизнь, и свѣтъ, и совершенство;
Благоговѣть предъ Нимъ — блаженство:
Блаженство называть Творца
Свидѣннымъ именемъ Отца.

„Не рвися думой за могилу!

„Дѣла, дѣла — вотъ твой удѣлъ!

„Оприся на собственную силу,

„Будь твердъ, и доблестенъ, и смѣль.

„Увѣренъ ты въ себѣ единомъ —

„Такъ изъ себя все почерпай:

„И міра будешь властелиномъ.

„И обрѣтешь въ себѣ свой рай!“

Денницы падшаго ученья,

Слѣнья истины и лжи!

Мудрецъ! я емь въ сіе мгновенье,

А былъ ли прежде? мнѣ скажи!

Теперь я мыслю — а давно ли?

И сталъ я отъ своей ли воли?

И какъ изъ недръ небытія

Вдругъ просіяло это „я“?

Владѣй страстьми, брось лицемѣрье!
Повѣдай: радость и печаль,
Любовь и гнѣвъ, высокомерье,
И страхъ, и зависть ты всегда-ль
Смирять успѣшно? Крови пламень
Тушить всегда ли? Я не камень:
Бываю выше суеты,
Но помощію съ высоты.

Пусть умъ не постигаетъ Бога —
Что нужды? — Вижу я Его:
Тамъ среди звѣзднаго чертога,
Здѣсь въ глуби сердца моего
И въ чудесахъ моей судьбины.
Такъ, буду жить я безъ кончины
Неразрушимымъ бытіемъ
Могучимъ, вѣчнымъ — но о Немъ!

Онъ недоступенъ для гордыни,
Онъ тайна для очей ума;
Блеснуть быть долженъ лучъ святости,
Чтобы расторглась наша тьма —
И се блеснулъ! — Я вѣсти wiemлю:
Всевышній самъ сошелъ на землю —
Отецъ духовъ, владыка силъ,
Богъ въ Сынѣ намъ себя явилъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Воспоминаніе	3
Аргунь	19
Безсмертіе	20
Благодать Господня	24
Блаженство	26
Брату	30
Брату	31
Брату (въ день его именинъ)	34
Вопросы	38
Въ концѣ недѣли	39
Новый Годъ	41
19 Октября 1836 года	43
19 Октября 1837 года	46
Жребій поэта	48
Клѣвь	50
Къ ***	51
Къ Виктору Гюго	52
Луна	55
Любовь	56
Моей матери	57
Молитва	61
Молитва узника	62
Вечерняя молитва	64
Утреция молитва	66
Море сна	68
На воскресеніе Христова	70

Надгробіе	71
Надежда	72
На день рожденія	79
На смерть Черпова	80
Ночь	82
Очи моихъ страданій не поймутъ	82
Памяти Грибоѣдова	84
Полночь съ 31 Декабря на 1 Января	87
Поминки	89
Посвященіе поэмы „Сирота“ А. С. Пушкину	92
Мое предназначеніе	95
При исходѣ 1841 года	99
Псаломъ 102	100
Псаломъ 143	104
Разочарованіе	106
Росинки	107
Совѣтъ	110
Сонъ и смерть	111
Терпѣніе	113
Тѣнь Рылѣева	116
При тѣни	118
Упованіе на Бога	121
Элегія	122
Я емь — конечно есть и ты!	125